This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HD1536
R9E5446
1884

STANFORD
LIBRARIES

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

—)o(—

ПИСЬМАХЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Г-НА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Д. Голохвастова.

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., собств. д.
1884.

HD1536
R9E5446
1884

STANFORD
LIBRARIES

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

— ТО ЖЕ —

ПИСЬМАХЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Г-НА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Л. Голохвастовъ.

МОСКВА.
Типография А. И. Мамонтова, Петровка, Рахмановскій пер.
1884

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

——) О (——

ПИСЬМАХЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Г-НА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Д. Голохвастова.

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., соб. домъ.
18

HOOVER WAR LIBRARY

Вообще я не принадлежу къ разряду читателей «Отечественныхъ Записокъ» и особенно, зная направленіе журнала, не читаю того, что въ немъ говорится о деревнѣ.—Такимъ образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ, пока печатались письма Г. Энгельгардта, я ихъ не читалъ, но теперь, съ тѣхъ поръ какъ они вышли отдѣльной книгой, мнѣ привелось слышать объ нихъ не мало и такихъ различныхъ отзывовъ, что я полюбопытствовалъ съ ними познакомиться, и долженъ признать, что въ своемъ родѣ эта книга замѣчательное явленіе, признакъ времени.

На стр. 303, автору пришлось заговорить въ первый разъ о дѣтяхъ тѣхъ крестьянъ, которые «попали на линію», т. е. на службу къ барину, и матери которыхъ учатъ ихъ

«мерсикать ножкой».—Острота эта такъ ему понравилась, что онъ повторилъ её разъ десять и перечислилъ почти всѣ виды «мерсикающихъ ножкой» лакеевъ, волостныхъ старшинъ, старостъ, прикащиковъ, ихъ господъ, «которые въ свою очередь мерсикаютъ въ столицахъ», конторщиковъ, ключниковъ, экономокъ и проч. — Но не упомянулъ объ одномъ разрядѣ «мерсикающихъ ножкой», который въ наше время чуть ли не самый многолюдный.

Всегда и вездѣ «мерсикали ножкой» передъ тѣми, кого основательно или ошибочно считали силой, властью, могущей по своему произволу покарать или пожаловать. — Начиная со второй половины текущаго столѣтія такая сила оказалась, по странному и прискорбному недоразумѣнію, въ рукахъ тѣхъ, кто сперва осторожно, съ маской на лицѣ, но потомъ все болѣе и болѣе открыто отрицали, наконецъ стали просто глумиться надъ тѣми основными принципами религіи, нравственности, семьи, собственности, уваженія къ закону и праву, на которыхъ въ теченіи столькихъ вѣковъ строилось, которыми держалось и дорожило

каждое государство, каждый общественный союзъ.

Вся сила этихъ людей, заключается во власти клеймить именами «крѣпостника, ретрограда» и проч. тѣхъ, кто передъ ними не «мерсикаетъ ножкой», кто если уже не подкакиваетъ имъ, то по крайней мѣрѣ не имѣетъ разумной осторожности молчать, а позволяетъ себѣ

смѣть

Свое сужденіе имѣть.

Какъ одинъ изъ первыхъ, самыхъ замѣчательныхъ образцовъ этого сорта «мерсиканья ножкой» надо конечно признать книгу Г. Энгельгардта; но есть и другой сортъ, который, въ моихъ глазахъ, имѣетъ едва ли не большее значеніе.

Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ, какъ «письма изъ деревни стали печататься въ Отечественныхъ Запискахъ, болѣе года какъ они вышли отдѣльной книгой, и до сихъ поръ они не вызвали никакой серьезной оцѣнки, никакого разбора.—Чему приписать этотъ фактъ? тому ли, что книга встрѣтила такое всеобщее сочувствіе, такъ мѣтко и вѣрно высказала мнѣнія и убѣжденія огромнаго, подавляющаго

большинства, что возражать некому и нечего?—Конечно нѣтъ; всякій, сколько нибудь знающій Россію, какихъ бы убѣжденій самъ онъ ни былъ, по совѣсти долженъ признать, что тѣ, кто искренно сочувствуетъ ученіямъ Г-на Энгельгардта, относительно Россіи—капля въ морѣ.—Тому ли на оборотъ, что книга, по своему очевидному ничтожеству, не произвела никакого впечатлѣнія, на неё не обратили вниманія, ее не читали, а кто и прочелъ, не счелъ ее достойной возраженія?—Это тоже не правда, книгу прочли многіе, она была замѣчена, объ ней говорятъ.

Мнѣ кажется, что это молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что у насъ, къ сожалѣнію, очень сильно развита боязнь «du qu'en dira—t—on».—Добросовѣстно, откровенно, честно, безъ обиняковъ и оговорокъ, высказанное мнѣніе о такой книгѣ, вызоветъ, разумѣется, лай, свистъ и брань тѣхъ, передъ кѣмъ «мерсикаетъ ножкой» Г-нъ Энгельгардтъ;—но вѣдь и молчаніе, въ этомъ случаѣ, есть своего рода «мерсиканье ножкой» въ отрицательномъ смыслѣ, а потому я рѣшился написать эти «письма изъ деревни, о письмахъ изъ деревни».

I.

Г-нъ Энгельгардтъ «жилъ въ Петербургѣ, служилъ профессоромъ, получалъ около 3000 р. жалованія, занимался изслѣдованіями объ изомерныхъ крезолахъ и дифенолахъ, ходилъ въ тонкихъ сапогахъ и панталонахъ на выпускъ, жилъ въ тепломъ домѣ, ѣздилъ въ каретахъ, ѣлъ устрицъ у Эрбера, восхищался Лядовой въ «Прекрасной Еленѣ», вѣрилъ тому, что пишутъ въ газетахъ о дѣятельности земствъ, хозяйственныхъ съѣздовъ, о стремленіи народа къ образованію» и т. п. (стр. 131) — «Вообще съ деревней онъ былъ знакомъ только по повѣстямъ, да и то по повѣстямъ, рисующимъ деревенскій бытъ до «Положенія», о крестьянствѣ же узналъ только по газетнымъ корреспонденціямъ, оканчивающимся: «отрадно и проч.» (стр. 132).—Собственныя же его воспоминанія о деревнѣ, гдѣ онъ провелъ дѣтство, относились ко времени еще до «Положенія», когда даже и не очень богатые помѣщики жили въ хоромахъ, ѣли разные финзербы, одѣвались по городски, имѣли кареты и шестерки,

а мелкій людъ разступался передъ нимъ (Г-мъ Энгельгардтомъ) когда онъ, съ нянюшкой, въ предшествіи двухъ выѣздныхъ лакеевъ, входилъ въ сельскую церковь» (стр. 131).

Не смотря на такое поверхностное знакомство съ деревней, «мысль переѣхать на жительство въ деревню и заняться подъ старость хозяйствомъ,—давно уже сидѣла въ его головѣ. Онъ ждалъ только, пока выслужитъ пенсію, до которой служить оставалось не долго». (стр. 132). «Судьба рѣшила, однако, иначе. Ему пришлось оставить службу раньше срока. Онъ рѣшился ѣхать въ свое имѣніе и сѣсть тамъ на хозяйство». (стр. 133.)— «На станцію его пріѣхали провожать нѣсколько родственниковъ и друзей; въ числѣ прочихъ была одна близкая родственница, долго жившая и хозяйничавшая въ деревнѣ, но недавно переѣхавшая въ Петербургъ искать новой дѣятельности.» —Близкая родственница высказала опасеніе, что Г-нъ Энгельгардтъ въ деревнѣ сопьется, отъ скуки и одиночества.

— «Не сопьюсь», отвѣчалъ онъ, и къ этому прибавляетъ: «Я не спился, но понимаю, какъ спиваются и отчего спиваются (стр. 134).—

Оказалось однако, что пророчество близкой родственницы сбылось: Г-нъ Энгельгардтъ спился, что называется *до чертиковъ*, «видѣнья одолѣвать стали»... только причина тому была не скука, а боязнь «начальства», т. е. полиціи. Г. Энгельгардтъ почему-то считаетъ становыхъ и урядниковъ своимъ «начальствомъ» и очень боится не только ихъ, но даже ихъ колокольчиковъ и «выглядывающихъ изъ за кустовъ кепокъ».

«Нужно вамъ сказать, говоритъ онъ, что я ужасно боялся всякаго начальства; боялся безотчетно, нервно, какъ иные боятся мышей, лягушекъ, пауковъ. Никакъ не могъ привыкнуть къ колокольчикамъ, особенно вечеромъ, ночью, когда нельзя разсмотрѣть кто ѣдетъ. Какъ заслышу колокольчикъ, нервная дрожь, сердцебіеніе дѣлается, безпокойство какое то; только водкой и спасался: сейчасъ — хлопъ рюмку. Проѣхали. Ну, слава Богу, отлегло отъ сердца. Если же на дворъ завернули, хватаю бутылку и прямо изъ горлышка.... Такъ становой меня иначе, какъ выпивши, и не видалъ». (стр. 364.) — «Чтобы не бѣгать за водкой, поставилъ бутылку въ комнату, на

заимствоваться отъ людей, если уже не имѣющихъ теоретическихъ свѣдѣній, то по крайней мѣрѣ обладающихъ опытностью и практическими познаніями,—но и это все оказалось невозможнымъ.

«Уѣзжая изъ Петербурга, онъ взялъ съ собою множество агрономическихъ книгъ, но во всѣхъ одна строчка изъ Шварца, другая изъ Шмальца—безъ всякаго толку». (стр. 78 и 79.) «Я зачитывался, говоритъ онъ, до помраченія разсудка, разыскивая нужныя мнѣ свѣдѣнія и ничего не находилъ.—Читаю, бывало, читаю, пойду совѣтоваться съ Авдотьей (кухарка и прачка Г. Энгельгардта)—нѣтъ, говоритъ она, это не такъ, изъ этого ничего не выйдетъ.—Я потерялъ вѣру въ книги и бросилъ ихъ, въ чемъ Авдотья имѣла огромное вліяніе своимъ вѣчнымъ: «пустыя эти ваши книги.»—И дѣйствительно пустыя.» (стр. 114.)

У помѣщиковъ—хозяевъ можно было научиться еще менѣе, чѣмъ у Шварцовъ и Шмальцовъ: «Не говорю уже о теоретическихъ познаніяхъ—до сихъ поръ я еще не встрѣтилъ здѣсь *ни одного хозяина*, который бы.... созна-

тельно понималъ, что у него совершается въ хозяйствѣ—но и практическихъ знаній, вотъ что удивительно, нѣтъ. Ничего нѣтъ, понимаете.» (стр. 41.)

Впрочемъ, нѣсколько страницъ далѣе Г-нъ Энгельгардтъ, по обыкновенію, самъ потрудился опровергнуть это показаніе: «вы не думайте однако, говоритъ онъ, что у насъ вовсе нѣтъ хорошихъ хозяевъ: есть такіе, что такъ деньги и гребутъ». (стр. 77.) Нашелся даже такой, который по запаху узнаетъ, когда наступило время посѣва.

Положеніе крестьянъ въ той мѣстности было еще хуже: «Въ нашей губерніи и въ урожайные годы у *рѣдкаго* крестьянина хватаетъ своего хлѣба до нови; почти каждому приходится прикупать хлѣбъ, а кому купить не на что, тѣ посылаютъ дѣтей, стариковъ, старухъ въ «кусочки» побираться по міру.» (стр. 14.)— Въ X письмѣ Г-нъ Энгельгардтъ говоритъ: «Десять лѣтъ тому назадъ, въ деревняхъ описываемаго «счастливаго уголка» было очень мало «богачей», то есть такихъ крестьянъ, у которыхъ своего хлѣба хватало до

«нови», не болѣе какъ *по одному богачу на деревню*, да и то, даже у богачей, хватало своего хлѣба только въ урожайные годы». (стр. 401).

Правда, въ томъ-же письмѣ онъ разсказываетъ и совершенно противное, напр. о деревнѣ А., которая граничитъ съ его полемъ: «Десять лѣтъ тому назадъ, когда я прибылъ сюда, крестьяне этой деревни были самые зажиточные въ округѣ, славились хорошими конями и скотомъ—и назывались А-ми богачами. Только *одинъ дворъ* въ деревнѣ былъ крайне бѣденъ, потому что хозяинъ былъ недоумокъ, лѣнтяй, нерадивый, жена его отъ двора отбилась, по чужимъ людямъ шлялась, дѣти были еще малы»; (стр. 427).

Въ такихъ обстоятельствахъ, при такой обстановкѣ и совершенномъ незнаніи хозяйства, человѣкъ съ обыкновенными дарованіями оказался бы въ очень затруднительномъ положеніи и былъ бы очень счастливъ, если бы послѣ десяти-лѣтняго труда онъ самъ могъ избавиться отъ нужды, отъ необходимости отказывать себѣ даже въ бѣломъ хлѣбѣ, а уже о томъ чтобы

облагодѣтельствовать другихъ, чтобы изъ своей мѣстности сдѣлать «счастливый уголокъ», онъ, вѣроятно, не смѣлъ-бы и мечтать.—Но вѣдь нѣтъ правилъ безъ исключеній и одно исключеніе ни мало не опровергаетъ правила;—то, что не возможно для обыкновенныхъ смертныхъ, можетъ быть исполнено и даже безъ особеннаго труда и усилій геніальнымъ человѣкомъ.—Всѣмъ извѣстно, напр., что Наполеонъ I, въ какіе-нибудь 15 лѣтъ покорилъ полъ Европы и часть Африки, но вѣдь изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что каждый 23-хъ лѣтній артиллерійскій офицеръ можетъ сдѣлать то же самое.—Г-нъ Энгельгардтъ сдѣлалъ въ сущности болѣе Наполеона;—этотъ, правда, покорилъ полъ Европы, но и въ 15 лѣтъ не съумѣлъ сдѣлать не только Европу, но даже свою Францію «счастливымъ уголкомъ», а Г-нъ Энгельгардтъ въ 10 лѣтъ не только «устроилъ свое хозяйство прекрасно, результатовъ, могу сказать, достигнулъ блестящихъ» (стр. 335 и многія другія), но и съумѣлъ изъ с. Батищева и окружающихъ его 8, 10 деревень создать «счастливый уголокъ». — «Говорю прямо, пишетъ онъ, въ «счастливомъ уголкѣ» *положеніе*

крестьянъ, за послѣднія десять лѣтъ *улучшилось*, много *улучшилось*, *неизмѣримо улучшилось*». *) (стр. 399).

Со скромностью, свойственной великимъ людямъ, Г-нъ Энгельгардтъ, перечисляя общія причины, которыя повліяли на улучшеніе положенія крестьянъ въ «счастливомъ уголкѣ» — умалчиваетъ о главной и исключительной: его присутствіи;—но всякому это станетъ вполнѣ ясно, когда онъ узнаетъ, что: «Районъ счастливаго уголка не великъ, это какихъ-нибудь восемь, десять деревень. Не далеко нужно проѣхать — верстъ десять — чтобы встрѣтить деревни, гдѣ положеніе мужика совсѣмъ иное, гдѣ мужикъ бѣдствуетъ, запродается на лѣтнюю работу съ ранней зимы, бросаетъ землю, нанимается въ батраки, идетъ на заработки» (стр. 398.) — «Въ «счастливомъ уголкѣ» подати не залегаютъ, недоимокъ нѣтъ, ни о поркахъ, ни о продажѣ скота за подати не слыхать,

*) Какъ этотъ литературный пріемъ напоминаетъ Гоголя. Въ И. Ѳ. Шпонькѣ и его тетушкѣ, полковникъ П*** пѣхотнаго полка: говорилъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова: «у меня-съ многіе пляшутъ-съ, мазурку; весьма многіе-съ, очень многіе-съ».—Les beaux esprits se rencontrent.

между тѣмъ, какъ въ другой части той же волости — повторяю: «счастливый уголокъ» не большой районъ изъ восьми, десяти деревень— постоянныя недоимки, продажа скота и проч.» (стр. 402.)

Тутъ самъ собой и невольно напрашивается вопросъ: если благополучіе крестьянъ «счастливаго уголка» происходитъ только отъ общихъ причинъ, напр. отъ исчезновенія помѣщиковъ, которые только «болтали землю» — «баловались хозяйствомъ», имѣли странную претензію «считаться собственниками» своей земли, и только затѣсняли крестьянъ, не понимая однако, къ счастью, что просто глупо продавать въ вѣчное владѣніе за 5, 10, 15 р. такую десятину, которая съ перваго же года даетъ «цѣлую катеринку» (100 р.) чистаго дохода,—то почему же тѣ же самыя причины не имѣли тѣхъ же послѣдствій въ другихъ частяхъ той же волости, того же уѣзда, даже губерніи?—Потому, разумѣется, что въ «счастливомъ уголкѣ» пребываетъ великій человѣкъ, будущій преобразователь Россіи, а въ остальныхъ несчастныхъ уголкахъ его нѣтъ. «Чтый да разумѣетъ».

Г-нъ Энгельгардтъ облагодѣтельствовалъ только крестьянъ въ «счастливомъ уголкѣ», но не помѣщиковъ, которые сами въ томъ виноваты, ибо съ его стороны не было недостатка въ усердіи, въ великодушной готовности сдѣлать счастливыми даже ихъ, но «между землевладѣльцами, говоритъ онъ, моя система не имѣетъ успѣха. Я и статьи пишу, я и на словахъ проповѣдую каждому встрѣчному и поперечному—такъ что думаю уже надоѣлъ многимъ, (это довольно вѣроятно.)—Я и на съѣздъ въ нашъ уѣздный городъ ѣздилъ, подробныя соображенія дѣлалъ съ цифровыми данными, уши всѣмъ протрубилъ облогами и льномъ. Но все это гласъ вопіющаго въ пустынѣ»... (стр. 201.) «Замѣчательно, что изъ мѣстныхъ хозяевъ никто, ни разу, даже не заѣхалъ ко мнѣ, чтобы посмотрѣть на мое хозяйство». стр. 202).

Такому равнодушію, такому нежеланію или неумѣнію воспользоваться наставленіями великаго человѣка, посланнаго судьбой въ ихъ уѣздъ, трудно повѣрить, и всетаки нашлись даже такіе, что на вопросы одного интеллигентнаго молодаго человѣка, пріѣхавшаго изъ

Петербурга, вѣроятно съ цѣлью научиться искусству устроивать «счастливые уголки» — «не могли даже указать гдѣ именно находится имѣніе Г-на Энгельгардта». (стр. 202.)

Очень интересно уяснить себѣ мнѣніе Г-на Энгельгардта о нравственныхъ качествахъ *«мужика»* т. е. крестьянина вообще.—Когда въ первый разъ мужикъ сказалъ ему: «ты, Лександра» —онъ «былъ на верху блаженства» (стр. 176.);—онъ «мужикомъ не гнушается» какъ напр. газета «Русь» (стр. 463.), задаетъ даже вопросъ: «не оттого ли мужикъ дѣлится, что онъ болѣе человѣкъ, болѣе поэтъ, болѣе идеалистъ». (стр. 307.)—«Я, говоритъ онъ, конечно не стану доказывать, что мужикъ представляетъ идеалъ честности, но не нахожу, чтобы онъ былъ хуже насъ, образованныхъ людей». (стр. 97.) «Конечно, если хозяинъ плохъ и т. д.—то будутъ лѣниться и относиться къ дѣлу спустя рукава. Но въ этомъ отношеніи я не нахожу, чтобы мужики были хуже, чѣмъ мы образованные люди. Пойдите въ любой департаментъ и посмотрите, какъ

работаютъ чиновники.... Да что чиновники! много ли въ университетѣ профессоровъ, которые добросовѣстно работаютъ»? (стр. 101.) «При случаѣ мужики, бабы, дѣвки, даже дѣти пьютъ, шпарко пьютъ, даже пьяные напиваются, но это не пьяницы. Вѣдь и мы тоже пьемъ—посмотрите у Елисѣева, Эрбера, Дюссо и т. п.—но вѣдь это еще не отпѣтое пьянство». (стр. 25.)

Но все это пока только сравненія: мужикъ мошенникъ, но не болѣе чѣмъ образованные люди; онъ лѣнивъ, если за нимъ нѣтъ присмотра, но не лѣнивѣе чиновниковъ и профессоровъ университета; онъ, бабы, дѣвки, даже дѣти напиваются пьяные, но и мы пьемъ у Елисѣева, Эрбера и Дюссо; (хотя едвали въ этихъ заведеніяхъ можно встрѣтить пьяныхъ дѣтей).—Гораздо любопытнѣе ознакомиться съ положительнымъ мнѣніемъ автора о нравственныхъ качествахъ «мужика и бабы» помимо сравненій съ образованными людьми, чиновниками и профессорами;—вотъ нѣсколько обращиковъ:

«Конечно крестьянинъ не питаетъ безусловнаго, во имя принципа, уваженія къ чужой

собственности, и если можно, то пустить лошадь на чужой лугъ или поле, точно такъ же какъ вырубить чужой лѣсъ если можно, увезеть чужое сѣно если можно, все равно помѣщичье или крестьянское — точно такъ же какъ и на чужой работѣ, если можно, не будеть ничего дѣлать, будеть стараться свалить всю работу на товарища». (стр. 55.)

«Не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ, говоритъ пословица. Лежитъ вещь «плохо», безъ присмотру—семъ-ка возьму—вотъ и воровство. Человѣкъ хорошій, крестьянинъ земледѣлецъ, имѣющій надѣлъ, дворъ и семейство, не то чтобы какой нибудь бездомный прощалыга, нравственно испорченный человѣкъ, но просто обыкновенный человѣкъ, который лѣтомъ. въ страду работаетъ до изнеможенія, держитъ всѣ посты, соблюдаетъ «всѣ законы». становится воромъ потому только, что вещь лежала плохо. безъ присмотра.— Залѣзли ребята въ амбаръ — утащить кубель сала, осмину конопли—хозяинъ на бѣду проснулся, выскочилъ на шумъ, дубина подъ руку кому нибудь изъ ребятъ попалась — убійство. Сидѣли вмѣстѣ пріятели, выпили, у хозяина

часы хороши показались пріятелю зашедшему въ гости, ножъ подъ руку попалъ — убійство. Выпивши былъ, на полушубокъ позарился, топоръ подъ руку попался, «онъ» (бѣсъ) подтолкнулъ,—убійство. Пили вмѣстѣ, деньги въ кабакѣ у него видѣлъ, поѣхали вмѣстѣ, и т. д.—Все «случай».

Повторяю, спеціалистовъ по части убійствъ и грабежей, настоящихъ разбойниковъ—нѣтъ, но каждый, всегда опасается «случая» и остерегается всякаго, даже своего знакомаго.... Ко всему этому я теперь привыкъ, но сначала меня какъ-то коробило, когда я видѣлъ, что меня лично, самого меня, каждый считаетъ способнымъ убить, ограбить, обокрасть, обмануть, надуть, обвѣсить, обмѣрить, обсчитать». (стр. 141. 142.)

«Въ богатыхъ дворахъ, бабы все сильныя, рослыя, здоровыя, сытыя, ловкія; богачъ не женится на какомъ нибудь заморышѣ, а если случайно попадетъ на плохую бабенку.... то заколотитъ, забьетъ, въ гробъ вгонитъ и тогда женится на другой». (стр. 194.)

«Каждый мужикъ въ извѣстной степени кулакъ, щука, которая на то и въ морѣ, чтобы

карась не дремалъ... Я не разъ указывалъ, что у крестьянъ крайне развитъ индивидуализмъ, эгоизмъ, стремленіе къ эксплуатаціи. Зависть, недовѣріе другъ къ другу, подкапываніе одного подъ другаго, униженіе слабаго передъ сильнымъ, высокомѣріе сильнаго, поклоненіе богатству,—все это сильно развито въ крестьянской средѣ. Кулаческіе идеалы царятъ въ ней; каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянинъ, если обстоятельства тому поблагопріятствуютъ, будетъ самымъ отличнѣйшимъ образомъ эксплуатировать всякаго другаго, все равно крестьянина или барина, будетъ выжимать изъ него сокъ, эксплуатировать его нужду». (стр. 430. 431.)

Вотъ каковъ, по мнѣнію Г-на Энгельгардта *каждый крестьянинъ*;—каково же должно быть удивленіе читателя, когда на той же страницѣ 431, непосредственно за такой аттестаціей, онъ читаетъ такой общій выводъ изъ сказаннаго: «Все это, однако, не мѣшаетъ крестьянину быть чрезвычайно добрымъ, терпимымъ, по своему, необыкновенно гуманнымъ, своеобразно, истинно, гуманнымъ, какъ рѣдко бы-

ваетъ гуманенъ человѣкъ изъ интеллигентнаго класса».

Что это иронія, насмѣшка? и надъ кѣмъ, надъ читателемъ или надъ крестьяниномъ?

Теперь посмотримъ каковы женщины изъ крестьянъ.

«Дѣйствительно, сколько я могъ замѣтить, у бабъ индивидуализмъ развитъ еще болѣе, чѣмъ у мужиковъ, бабы еще эгоистичнѣе, еще менѣе способны къ общему дѣлу — если это дѣло не общая ругань противъ кого либо— менѣе гуманны, болѣе безсердечны... мужикъ надѣется на свой умъ, на свою силу, способность къ работѣ. Баба не надѣется ни на умъ, ни на силу, ни на способность къ работѣ;—баба все упованіе свое кладетъ на свою красоту, на свою женственность, и если разъ ей удалось испытать свою красоту—конецъ тогда». (стр. 288.)

«За деньги баба продастъ любую дѣвку въ деревнѣ, сестру, даже дочь, о самой же и говорить нечего. «Это не мыло, не смылится», «это не лужа, останется и для мужа» [1]) раз-

[1]) Сколько до сихъ поръ мнѣ случалось знать народныхъ посло-

суждаетъ баба.—А проданная разъ дѣвка продастъ, лучше сказать подведетъ, даже даромъ, всѣхъ дѣвокъ изъ деревни для того, чтобы *всѣхъ поравнять*.—Нравы деревенскихъ бабъ и дѣвокъ до невѣроятности просты: деньги, какой нибудь платокъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, лишь бы только никто не зналъ, лишь бы шито-крыто, дѣлаютъ все». (стр. 289.)

И тутъ опять, вслѣдъ за такой оцѣнкой, авторъ, какъ бы въ насмѣшку, кончаетъ такъ: «Что же касается *настоящаго чувства* любви, то и баба не только ни въ чемъ не уступитъ чиновницѣ, но даже превзойдетъ ее. Я думаю, что тотъ, кто не знаетъ, какъ можетъ любить деревенская баба, готовая всѣмъ жертвовать для любимаго человѣка, тотъ вообще не знаетъ, какъ можетъ любить женщина».

Чтобы дополнить картину приведу еще изъ книги Г-на Энгельгардта образцы того, какъ

вицъ и поговорокъ, хотя нѣкоторыя очень грубы по выраженію, но всегда отличаются мѣткостью и здравымъ, логическимъ смысломъ;—это первая, въ которой только рифма, а смыслу вовсе нѣтъ. Я полюбопытствовалъ поискать ее въ сборникахъ Даля, Снегирева и проч. но нигдѣ не нашелъ.

эти поэты, идеалисты, истинно гуманные люди, разговариваютъ съ своими женами:

— Эй Проська, ступай курва, свиньямъ мѣсить.—Чаго?—Свиньямъ ходи мѣсить стерьва». (стр. 117.)

«Вотъ взяли работу, чтобъ имъ, чертямъ, пусто было, работай теперь на нихъ, чтобъ имъ животы выѣло; и т. д. безостановочно, цѣлые дни. Мужики отшучивались: «не на насъ работаешь, а на свою кишку—вѣдь жрала зимой хлѣбъ».

«Да жрала», ворчитъ баба:— «Чтобъ тебѣ этотъ хлѣбъ поперекъ горла сталъ — сами пьянствуете а тутъ убивайся».

«Ну, ну, работай» возражаетъ мужикъ:— «Знаю я тебя—тебѣ-бы только сидѣть, да хлѣбъ на г.... перегонять, лѣнива дуже». (стр. 177.)

Староста Иванъ, чтобы угодить барину, напоилъ сельскаго *воротилу* и черезъ него уговорилъ мужичковъ, взять у барина на обработку двѣ десятины льну, заключили условіе и т. д. «На барышки выпили водочки, которую, безъ того нельзя, поставилъ я, и веселые возвратились домой.— «Ишь нализались»,

не преминули упрекнуть бабы. «Ужо, какъ ленъ помнете, баринъ и вамъ поставитъ барышки», задобривали бабъ мужики. «Черти», отвѣчали бабы «только бы водки налопаться, душу заложить чорту рады».— «Эхъ вы, бабье. дуры, а подани вы что ли платить будете? погодите, вотъ пріѣдетъ становой, не то запоете, какъ опишетъ ваши андараки».— «Такъ я за тебя отвѣчать и буду, ты чтоли мнѣ андаракъ справлялъ? я андаракъ свой принесла, въ дѣвкахъ выработала».— «Знаемъ чѣмъ ты его въ дѣвкахъ выработала».— «Чѣмъ бы ни выработала, а андаракъ у меня свой».— «Молчи, не то полѣномъ убью». (стр. 178. 179.)

И хорошо, коли на этотъ разъ полѣно не попало подъ руку, а то могло бы окончиться тѣмъ, что Г-нъ Энгельгардтъ называетъ: «случаемъ» а Петербургскіе чиновники: убійствомъ.

II.

Проживъ десять лѣтъ въ сельцѣ Батищевѣ Г-нъ Энгельгардтъ не могъ, разумѣется, удовольствоваться тѣмъ, что собственное хозяй-

ство довелъ до «блестящихъ результатовъ» и изъ окружающихъ его восьми, десяти деревень создалъ «счастливый уголокъ»;—у него явилась и естественная потребность облагодѣтельствовать все государство, создавъ теорію тѣхъ аграрныхъ, поземельныхъ и хозяйственныхъ условій, которыя должны лечь въ основаніе его будущаго развитія:

Главныя основанія этой теоріи можно кажется резюмировать такъ:

1. Совершенное устраненіе помѣщиковъ, ибо ихъ присутствіе только мѣшаетъ осуществленію всего плана, затѣсняя крестьянъ и препятствуя имъ «распахивать, выпахивать и бросать» помѣщичьи земли.

2. Признаніе того основнаго принципа, что земля не можетъ и не должна принадлежать ни кому, какъ частная, личная собственность, а можетъ быть только собственностью общинной и что каждый долженъ получить въ пользованіе земли столько, сколько онъ можетъ обработать самъ своими руками.

3. Такъ какъ существующая крестьянская община не можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной, ибо каждый дворъ от-

дѣльно пользуется своими участками земли, имѣетъ свой хлѣбъ, скотъ и проч., готовить пищу въ своей особой печи, четырнадцать дворовъ не имѣютъ общей столовой и т. д., то необходимо такую несовершенную общину развить до степени полной коммуны.—Крестьяне сознаютъ пользу и необходимость такого усовершенствованія, но не умѣютъ его осуществить, а потому:

4. Учреждать деревни изъ молодыхъ интеллигентныхъ пролетаріевъ (имъ же нѣтъ числа) на чисто коммунистическихъ началахъ для того, чтобы они своими наставленіями и примѣромъ помогли кростьянамъ въ ихъ невѣдѣніи, по части организаціи настоящихъ коммунъ.

Вотъ, кажется, главныя основанія плана; есть и другія второстепенной важности, о которыхъ мы упомянемъ при случаѣ, но теперь займемся разборомъ главныхъ.

Итакъ прежде всего, необходимо устранить помѣщиковъ.

Признаюсь, что, прочитавъ съ большимъ вниманіемъ книгу Г-на Энгельгардта,—я всетаки не могъ придти къ окончательному заклю-

ченію: есть ли еще въ Смоленской губерніи помѣщики или ихъ нѣтъ, и были ли они даже 10 лѣтъ тому назадъ, когда Г-нъ Энгельгардтъ переселился туда изъ Петербурга?

«Землевладѣльцы въ своихъ имѣніяхъ не живутъ и сами хозяйствомъ не занимаются, *всѣ* находятся на службѣ, денегъ въ хозяйство не даютъ—что урвалъ, то и съѣлъ». (стр. 321.)

— «Только *совершенное отсутствіе* хозяевъ—*всѣ* на службѣ,.... причиною, что земля пустуетъ, заростаетъ березнякомъ, вмѣсто того, чтобы производить ленъ. (стр. 70.)

«Какое же можетъ быть улучшеніе въ хозяйствахъ, когда хозяева занимаются службой и въ имѣніяхъ не живутъ»? (стр. 113.)

«Помѣщики хозяйствами не занимаются, хозяйства свои побросали, въ имѣніяхъ не живутъ. Что же остается дѣлать мужику? Работы нѣтъ около дома—остается бросить хозяйство и идти въ заработки туда, гдѣ скопились на службѣ помѣщики—въ города. Такъ мужики и дѣлаютъ». (стр. 24.)

Судя по этимъ мѣстамъ и многимъ другимъ, слѣдовало бы заключить, что *всѣ помѣщики* хозяева, еще до 1871 года бѣжали изъ своихъ

имѣній и увлекли за собою въ города даже и крестьянъ, которымъ безъ нихъ дома питаться нечѣмъ, такъ какъ нѣтъ заработковъ,— но тутъ, какъ и всегда, Г-нъ Энгельгардтъ потрудился самъ себя опровергнуть.

«Между тѣмъ прежде (писано въ 1881 г.) во *всѣхъ* окрестныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ велось хозяйство, всюду нужно было много рабочихъ рукъ, нужны были поденщики, жнеи, косцы; работы было пропасть и всю эту работу выполняли окрестные крестьяне и получали деньги. И, не смотря на массу даваемой помѣщичьими хозяйствами работы крестьяне были бѣдны, вѣчно нуждались, хотя хлѣбъ былъ дешевъ, недоимокъ было пропасть. *Не споры, должно быть, помѣщичьи денежки*».

«Прежде, не смотря на то, что во *всѣхъ* имѣніяхъ велось хозяйство и, слѣдовательно, требовалась работа, не было отбоя отъ желающихъ продать свой лѣтній трудъ»... (стр. 406.)

«Десять лѣтъ тому назадъ, и въ «счастливомъ уголкѣ» не смотря на то, что было еще *много помѣщиковъ*, ведущихъ хозяйство—лучше сказать именно потому, что было много по-

мѣщиковъ,—не смотря на то, что всюду требовалась лѣтняя крестьянская работа, крестьяне работали круги за 25 р.» (стр. 404.)

Особенность Г-на Энгельгардта состоитъ въ томъ, что даже когда ему и случится обмолвиться правдой, онъ всетаки никогда не говоритъ *только* правду, но всегда раздуваетъ её въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря потому, что онъ на той или другой страницѣ доказать хочетъ, что и ведетъ къ постояннымъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ трудно сдѣлать какой нибудь выводъ.—Кажется всего ближе къ истинѣ будетъ, если принять, что въ Смоленской губерніи, какъ и въ другихъ, помѣщики были и есть, но что за послѣдніе 20 лѣтъ, нѣкоторые прекратили въ своихъ имѣніяхъ хозяйство вовсе, и многіе уменьшили его въ болѣе или менѣе значительной степени.

Фактъ этотъ, давно всѣмъ извѣстный, самъ по себѣ на столько важенъ, съ точки зрѣнія государственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, что его стоитъ разсмотрѣть внимательно и постараться уяснить его истинныя причины.

Первая причина, на которую постоянно указываетъ Г-нъ Энгельгардтъ, какъ это видно

изъ приведенныхъ уже выше его словъ, состоитъ въ томъ, что помѣщики кинулись на службу, которая даетъ большое жалованіе безъ отвѣтственности и риска и не требуетъ ни труда, ни знанія. «Конечно, говоритъ онъ, гораздо проще быть предсѣдателемъ управы, мировымъ судьей—за 500 р. можно найдти писаря, который все знаетъ, а если что нибудь не такъ сдѣлаетъ, то на мировомъ съѣздѣ поправятъ». (стр. 71.)

Но вѣдь предсѣдатель управы одинъ на уѣздъ, и если бы дѣйствительно исполненіе этой должности требовало прекращенія собственнаго хозяйства, то это еще не могло бы имѣть значенія относительно общаго числа хозяйствъ въ уѣздѣ,—но дѣло въ томъ, что никто изъ гласныхъ собранія, отъ которыхъ зависитъ выборъ предсѣдателя управы, не пожелаетъ на эту должность такого человѣка, который, не имѣя собственныхъ хозяйственныхъ интересовъ, совершенно равнодушенъ къ земскому дѣлу и интересуется только размѣрами своего жалованія.—Я думаю, что если бы по этому спеціальному вопросу, собрать точныя свѣдѣнія, напр. по Смоленской губер-

ніи, то оказалось бы, что изъ 10—15 предсѣдателей управъ едва ли найдется одинъ, не имѣющій собственнаго хозяйства.

За тѣмъ слѣдуютъ члены управъ, ихъ уже вдвое или втрое болѣе,—но въ этой должности можно рѣдко встрѣтить помѣщика—землевладѣльца; главнымъ образомъ потому, что земство и особенно такихъ губерній какъ Смоленская, слишкомъ бѣдно, чтобы давать членамъ управъ значительное жалованье; обыкновенно размѣръ этого жалованія вертится около 400—500 р.—Но такой суммой, безъ всякихъ иныхъ служебныхъ преимуществъ: пенсій, наградъ, чиновъ, орденовъ, повышеній въ должности и т. п.—едвали можно соблазнить помѣщиковъ—землевладѣльцевъ, особенно если при этомъ надо бросить собственное хозяйство и изъ своего дома переселиться въ наемный.—Должность эта замѣщается преимущественно крестьянами, для которыхъ 500 р., очень значительное жалованіе, и которые отлично, лучше кого бы то ни было, могутъ исполнить большую часть обязанностей члена управы, напр. наблюденіе за исправностью дорогъ, гатей, мостовъ, плотовъ, составленіе

смѣтъ на необходимые въ нихъ исправленія и постройки, наемъ плотниковъ и землекоповъ, присмотръ за работами и проч.—Далѣе разныя дѣла по земскому страхованію, которое преимущественно касается крестьянъ, распланированіе селеній, разборъ безчисленныхъ споровъ о правѣ строиться на томъ или другомъ участкѣ, отводъ новыхъ участковъ на прибылые дворы, страховая оцѣнка строеній, опредѣленіе убытковъ отъ пожара и проч.—Кромѣ того избирается обыкновенно еще одинъ членъ, управы, грамотный, домовладѣлецъ того города, гдѣ находится управа, а слѣдовательно тамъ постоянно живущій, изъ купцовъ или служащихъ,—на него возлагается ближайшій присмотръ за казначейской частью и ежедневное присутствіе въ управѣ для не важныхъ, текущихъ дѣлъ—для рѣшенія же остальныхъ, требующихъ общаго обсужденія, предсѣдатель и другіе члены собираются, смотря по надобности, чаще или рѣже.

Объ гласныхъ нечего и говорить;—это не служба, никакого жалованья они не получаютъ и отвлекаются отъ своихъ постоянныхъ занятій только разъ въ годъ, поздней осенью,

на 3 или 4 дня, что не можетъ препятствовать занятію хозяйствомъ.

Есть еще разныя должности по земской службѣ, для которыхъ управы нанимаютъ постороннихъ лицъ, спеціально знающихъ дѣло, напр. врачи, ветеринары, землемѣры, инженеры и проч. но такихъ должностей не могутъ, разумѣется, занимать мѣстные землевладѣльцы.

Словомъ, въ общемъ выводѣ, земскія учрежденія не могли быть причиной того, что помѣщики кинули свои хозяйства и перестали жить въ имѣніяхъ;—посмотримъ, какое значеніе имѣла въ этомъ смыслѣ судебная реформа.

Мировые судьи, какъ извѣстно, раздѣляются на почетныхъ и участковыхъ; — почетные, жалованья не получаютъ и постоянныхъ занятій по должности не имѣютъ, ихъ дѣятельность ограничивается участіемъ въ засѣданіяхъ съѣзда, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, что конечно, не можетъ быть помѣхой веденію собственнаго хозяйства. Участковые мировые судьи получаютъ жалованье и имѣютъ постоянныя занятія по должности, но условія ихъ службы таковы, что она не только не мѣша-

етъ имъ заниматься хозяйствомъ, а напротивъ способствуетъ къ тому. Въ мировые судьи, кромѣ случая единогласнаго избранія, что бываетъ рѣдко, можетъ быть избранъ только тотъ, кто получилъ образованіе, по крайней мѣрѣ, въ среднемъ учебномъ заведеніи, а это въ уѣздѣ можно встрѣтить только между помѣщиками. — Кромѣ того, нуженъ извѣстный имущественный цензъ, и хотя законъ не требуетъ, чтобы имѣніе находилось въ томъ же уѣздѣ, но такъ какъ судей избираетъ уѣздное собраніе, то оно конечно всегда предпочитаетъ знакомыхъ ему мѣстныхъ владѣльцевъ, — не извѣстнымъ постороннимъ. — Служебнаго дѣла, уѣздный участковый судья имѣетъ относительно очень мало. Я, въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ предсѣдателемъ съѣзда, и могу удостовѣрить, что какъ бы дѣятеленъ ни былъ уѣздный участковый судья, всетаки въ общей сложности за цѣлый годъ, число дѣлъ имъ рѣшенныхъ, не превышаетъ число дѣлъ рѣшенныхъ участковымъ судьей города Москвы, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. — Это происходитъ оттого, что въ городахъ все населеніе подсудно мировымъ судьямъ, тогда какъ въ уѣздѣ, если

напр. все населеніе составляетъ 50 т. душъ, то изъ нихъ по крайней мѣрѣ 45 т. крестьянъ, которые имѣютъ свой сословный волостной судъ. Огромное большинство дѣлъ между крестьянами вовсе не подсудно мировымъ судьямъ, такъ напр. всѣ гражданскія дѣла до 100 р. рѣшатся окончательно волостнымъ судомъ, а эта сумма такъ высока для крестьянъ, что между ними рѣдко можетъ встрѣтится дѣло превышающее ее по цѣнѣ иска *). — Такимъ образомъ участковые мировые судьи, обя-

*) На стр. 180 Г. Энгельгардъ говоритъ: «Никто изъ крестьянъ не знаетъ, что если проступокъ совершенъ на помѣщичьей землѣ, то, по желанію одной изъ сторонъ, дѣло должно разбираться у мироваго судьи, потому что разбору волостнаго суда обязательно подлежатъ только проступки совершенные въ *предѣлахъ волости*, а помѣщичьи земли въ *составѣ волостей* не входятъ, чего не знаютъ многіе волостные старшины и, какъ кажется, нѣкоторые мировые судьи, потому что не спросивъ даже *гдѣ* совершенъ проступокъ, отсылаютъ крестьянина въ волостной судъ».—Тутъ дѣйствительно обнаруживается не знаніе закона, только не волостныхъ старшинъ и не мировыхъ судей, а Г-на Энгельгардта въ чемъ онъ можетъ убѣдиться если прочтетъ ст. 34 Устава Уголовн. Судопр. и относящіеся къ ней рѣшенія Кас. Деп. Прав. Сената.—Помѣщичьи земли не входятъ *въ составъ волостей*, но непремѣнно находятся *въ предѣлахъ той или другой волости*, такъ точно какъ напр. ставропигіальные монастыри *не входятъ въ составъ Епархій*, ибо подвѣдомственны прямо Синоду, но каждый находится непремѣнно *въ предѣлахъ какой либо Епархіи*, такъ какъ на нихъ раздѣлена вся Россія.

занные находиться постоянно въ своемъ участкѣ и вовсе не обремененные дѣлами службы, не только не отвлекаются отъ занятія хозяйствомъ, но напротивъ побуждаются къ тому, такъ какъ жить постоянно въ деревнѣ, безъ достаточныхъ занятій, просто скучно.

Судебная реформа создала и другія должности: слѣдователей, прокуроровъ и ихъ товарищей, членовъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, на что понадобились образованные люди, но вѣдь все это только замѣнило прежде бывшія судебныя учрежденія: уѣздные суды, гражданскія и уголовныя палаты и проч. съ тою однако разницей, что прежде въ должности предсѣдателей и членовъ судебныхъ учрежденій избирало мѣстное дворянство почти исключительно изъ своей среды т. е. тѣхъ же дворянъ-помѣщиковъ,—тогда какъ теперь судебныя должности замѣщаются по назначенію Правительства при чемъ вовсе не требуется принадлежность къ сословію дворянъ землевладѣльцевъ, а высшее юридическое образованіе, которое между помѣщиками хозяевами встрѣчается рѣдко.—Однимъ словомъ, судебная реформа не только

не могла отвлечь помѣщиковъ отъ постоянныхъ занятій хозяйствомъ, но напротивъ значительно сократила число служебныхъ должностей, которыя они занимали.

Г-нъ Энгельгардтъ говоритъ что «вдругъ *на мужика*, ни съ того ни съ сего. напустили новыхъ начальниковъ» (стр. 340.) «въ новые начальники (урядники) поступили *благородные, чиновные люди*, Ташкенцы самаго низшаго разряда. Все что не находило себѣ никакого исхода, все, что не могло прибится ни къ какимъ мѣстамъ, все это попало въ новые начальники. И чего же ожидать отъ этой *«орды благородій»*, которой отдали подъ команду мужика»? (стр. 342).

Я вовсе не намѣренъ защищать это новое учрежденіе, которое по меньшей мѣрѣ не нужно, но если подъ словами: *благородные, чиновные люди, орда благородій* и проч. слѣдуетъ разумѣть дворянъ помѣщиковъ, то это просто завѣдомая не правда.—Должность урядниковъ, т. е. низшихъ полицейскихъ служителей въ уѣздѣ, ни по размѣрамъ жалованья, ни по другимъ служебнымъ преимуществамъ, не могла привлечь «благородныхъ и чиновныхъ людей».

Короче, не служба могла отвлечь помѣщиковъ землевладѣльцевъ отъ занятія землей.

Г-нъ Энгельгардтъ указываетъ и на другую причину объясняющую бѣгство помѣщиковъ изъ ихъ имѣній:

«Крѣпостное право пало, вмѣстѣ съ нимъ пало и помѣщичье хозяйство». (стр. 487.) «помѣщичье хозяйство, «grande culture», не имѣютъ у насъ смысла, не имѣютъ «raison d'être» и суть только тормазы для развитія хозяйства страны». (стр. 471.) «помѣщичьи хозяйства не имѣютъ будущности, они должны уничтожиться потому что *смыслу нѣтъ* въ томъ, чтобы мужики хозяева, имѣющіе свои земли, свое хозяйство, работали въ чужихъ хозяйствахъ, *это—нелѣпость*» .(стр. 414.) — «Крестьянскіе надѣлы, постоянно удобряемые почвенными частицами; привозимыми извнѣ, съ хлѣбомъ, кормомъ, дровами, неминуемо должны годъ отъ году утучняться и нѣтъ сомнѣнія, превратятся, со временемъ, въ тучные огороды».

«Совершенно другое дѣло въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Тамъ почва всегда истощается и хозяйство ведется истощающее землю. Помѣ-

щики въ нашихъ мѣстахъ всегда вели и теперь ведутъ истощающее землю хозяйство». (стр. 413).

«Труда мужицкаго (на помѣщичьи хозяйства) тратится пропасть.... трудъ этотъ теряется безполезно, зарывается въ землю, а если что и вырабатывается, то идетъ не тому, кто работаетъ, и даже не тому кто *считается владѣльцемъ земли,* а постороннему не работающему человѣку». (прикащику.)

«Такимъ образомъ между помѣщичьими и крестьянскими хозяйствами идетъ постоянная борьба, и гдѣ крестьяне одолѣваютъ, тамъ благосостояніе ихъ увеличивается и помѣщичьи хозяйства, часто къ выгодѣ помѣщиковъ, вытѣсняются». (стр. 383.)

«Я положительно недоумѣваю, для чего существуютъ эти хозяйства: мужикамъ затѣсненіе, себѣ—никакой пользы.... Единственное объясненіе, которое можно дать-то, что владѣльцы ведутъ хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имѣніе». (стр. 322).

И такъ причина состоитъ въ томъ, что одновременное существованіе помѣщичьяго и

крестьянскаго хозяйствъ не возможно, они другъ друга исключаютъ, вытѣсняютъ и находятся между собою въ постоянной борьбѣ.—Помѣщикъ только о томъ и думаетъ, какъ притѣснить крестьянина, «надѣть на него хомутъ, ввести его въ оглобли», а тотъ, всѣми силами отбивается, хотя и не всегда успѣшно. Окончательная побѣда въ этой борьбѣ, должна остаться за крестьяниномъ, а помѣщики должны быть вытѣснены, какъ потому что «хозяйство можетъ истинно прогрессировать только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обработывается сообща» (стр. 295.) такъ и потому что помѣщики уже и теперь ведутъ эту борьбу только «чтобы констатировать право собственности на имѣніе», такъ какъ они *еще считаются владѣльцами* своей земли,—но выгоды отъ хозяйства они не имѣютъ, приплачиваютъ даже изъ своего жалованья.—Земли свои, они всегда истощали и теперь истощаютъ, производя на нихъ даже «не хлѣбъ, не траву, не лѣсъ, а такъ — мерзость всякую».

Но такъ ли это?—Что интересы землевладѣльца и работника во многомъ противоположны,

это не сомнѣнно, но это фактъ нормальный, всегдашній и повсемѣстный.—Совершенно тоже явленіе мы видимъ и во всякой другой отрасли хозяйственной дѣятельности: выгода фабриканта состоитъ въ томъ, чтобы производимый имъ товаръ обходился какъ можно дешевле, а слѣдовательно, чтобы заработная плата фабричнаго рабочаго или мастера, была какъ можно ниже,—а рабочій и мастеръ желаютъ напротивъ, чтобы ихъ трудъ цѣнился какъ можно выше.—Купецъ продающій товаръ, желаетъ продать его какъ можно дороже, а потребитель желаетъ купить его какъ можно дешевле.—Домовладѣльцу выгодно, чтобы цѣны на квартиры поднялись, а тѣмъ, кто нанимаетъ квартиры, чтобы они понизились;—словомъ, таже борьба вездѣ и во всемъ;—но вѣдь изъ этого ни мало не слѣдуетъ, что фабрикантамъ, купцамъ, домовладѣльцамъ, остается только бросить свои фабрики, лавки, дома и бѣжать куда нибудь, гдѣ бы посредствомъ жалованья они могли добывать насущный хлѣбъ.

Но быть можетъ, помѣщики землевладѣльцы, уже не просто изъ хозяйственнаго расчета,

а изъ злобы притѣсняютъ крестьянъ, эксплуатируютъ ихъ нужду, «надѣваютъ на нихъ хомутъ, вводятъ въ оглобли» и тѣмъ поселяютъ въ крестьянахъ къ себѣ вражду; — не говоря уже о томъ, что въ Россіи вообще земли годной для обработки такъ много, а населенія такъ мало, что землевладѣлецъ гораздо болѣе зависитъ отъ работника и нуждается въ немъ, чѣмъ земледѣлецъ въ землѣ, замѣчу только слѣдующее: — Я, какъ выражается Г-нъ Энгельгардтъ, сѣлъ на хозяйство гораздо раньше его, еще въ 1859 г. и съ тѣхъ поръ, не только въ качествѣ помѣщика-землевладѣльца и хозяина, но и по долгой службѣ предводителя, предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, гласнаго уѣзднаго и губернскаго, былъ въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ большинствомъ помѣщиковъ и крестьянъ своей мѣстности и конечно видалъ кулаковъ, зубастыхъ щукъ, которыя не давали дремать карасямъ; — но по совѣсти, за все время, не могъ бы назвать ни одного кулака, который для того чтобы надѣть на крестьянъ хомутъ, ввести ихъ въ оглобли, заставить на себя работать, бралъ бы съ своихъ должниковъ крестьянъ, за неимѣ-

ніемъ наличныхъ денегъ «въ закладъ что нибудь: полузипунникъ, кушакъ, шапку», (стр. 58.) а вѣдь Г-нъ Энгельгардтъ это дѣлаетъ и однако это не помѣшало установиться самымъ нѣжнымъ отношеніямъ, между «Лександрой блаженнымъ» и крестьянами «счастливаго уголка». «Къ сожалѣнію, очень вѣрно замѣчаетъ Г-нъ Энгельгардъ, у насъ до сихъ поръ большинство не знаетъ, что если генералъ ударитъ мужика, то мировой судья взыщетъ съ него, какъ съ образованнаго человѣка строже, чѣмъ съ мужика; напротивъ большинство думаетъ, что если генералъ ударитъ мужика, то ему ничего не будетъ, а если мужикъ ударитъ генерала, то его въ Сибирь сошлютъ». (стр. 174).—Да, конечно, не будь такого полнаго незнанія законовъ, помянутую отрасль финансовыхъ операцій с. Батищева, пришлось-бы пожалуй прекратить вовсе.

Но не смотря на все это Г-нъ Энгельгардтъ былъ бы всетаки правъ, если бы онъ потрудился не только сказать но и доказать, что частное хозяйство не возможно по существу, что въ немъ «нѣтъ смысла», что «это нелѣпость», что частное хозяйство, при условіи

существованія рядомъ съ нимъ общиннаго, за неимѣніемъ «кнехта» даетъ и можетъ давать только убытки.—Если это такъ,—то само собою разумѣется, что одного желанія «констатировать право собственности на имѣніе», на долго не хватитъ. Простой расчетъ, простое желаніе спасти хоть что нибудь изъ своего состоянія, заставитъ землевладѣльцевъ такъ или иначе отдѣлаться отъ своей земли, которая не только ничего не даетъ, но требуетъ еще приплатъ изъ другихъ источниковъ, напр. изъ жалованья.

Но вѣдь все это опровергается, даже относительно Смоленской губерніи, не только примѣромъ самаго Г-на Энгельгардта, который при полномъ незнаніи дѣла, совершенномъ отсутствіи денежныхъ средствъ и въ разстроенномъ, запущенномъ имѣніи, довелъ хозяйство до «блестящихъ результатовъ», но и примѣромъ тѣхъ извѣстныхъ ему хозяевъ, которые «такъ и гребутъ деньги».—Мало того, есть даже основаніе думать, что хозяева «гребущіе деньги» или по крайней мѣрѣ производящіе въ своихъ имѣніяхъ хлѣба, значительно лучшаго качества, чѣмъ крестьянскіе — даже не

исключеніе, а правило. — Когда Г-нъ Энгельгардтъ собрался ѣхать на сельскохозяйственную выставку, то его староста Иванъ предложилъ послать туда образцы ячменя изъ Батищева.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ Г-нъ Энгельгардтъ, ячменя посылать не стоитъ. Тамъ, братъ, такіе ячмени будутъ, не нашему чета. — Конечно, согласился Иванъ, *если нынче крестьянскаго хлѣба не будетъ, а только господскіе, то ячмени хорошіе будутъ*». (стр. 121.)

Какъ же согласовать такое мнѣніе Ивана, что господскіе хлѣба вообще лучше крестьянскихъ, съ мнѣніемъ его барина, что «крестьянскіе надѣлы годъ отъ году утучняются», тогда какъ господа, давно и постоянно истощая свои земли, производятъ на нихъ «не хлѣбъ, не траву, не лѣсъ, а такъ мерзость всякую»?

Остается вопросъ о «кнехтѣ». Несомнѣнно, что никакое частное хозяйство, въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ, не можетъ существовать безъ «кнехта», т. е. батрака рабочаго, такъ же точно, какъ безъ него не можетъ существовать и многое другое; — такъ

напр. безъ батрака фабричнаго, не могутъ существовать фабрики, безъ батрака землекопа, каменьщика, плотника, столяра, маляра, печника и проч. нельзя было бы строить желѣзныя дороги, шоссе, каналы, даже дома въ городахъ.—Для всего этого, и многаго другаго, кнехтъ, совершенно такъ же необходимъ, какъ и для частнаго земельнаго хозяйства.—Вопросъ весь въ томъ, что этого необходимаго кнехта, теперь уже нѣтъ — или его небудетъ только со временемъ, когда вся Россія обратится въ земледѣльческія коммуны?

Что касается настоящаго времени, то, по собственному свидѣтельству Г-на Энгельгардта, кнехтъ этотъ есть и не только въ изобиліи, но даже въ излишествѣ. По его мнѣнію «даже въ благоустроенныхъ имѣніяхъ, все держится только на необыкновенной, ненормальной дешевизнѣ труда». (стр. 323.) Объ этой дешевизнѣ, онъ написалъ особую статью въ Отечественныхъ запискахъ и въ доказательство ея приводитъ между прочимъ слѣдующій примѣръ изъ собственной практики: у него въ имѣніи живетъ скотникъ Петръ съ женой и дѣтьми, самъ девять; работаетъ онъ и днемъ

и ночью, чего безъ помощи семьи онъ и не могъ бы сдѣлать. — Получаетъ онъ за это въ годъ 60 р., а семья вовсе ничего;—изъ 60 р. онъ тратитъ на харчи 34 р. питаясь однимъ хлѣбомъ, да платитъ оброку 20 р. (прежде, когда у него было меньше дѣтей, онъ платилъ 40.)—а 6 р. остается на покупку соли, постнаго масла и одежды для всей семьи изъ 9 человѣкъ. «Кажется не много получаетъ мой скотникъ, говоритъ Г-нъ Энгельгардтъ, а и то ему завидуютъ, и откажи я ему сейчасъ же найдется пятьдесятъ охотниковъ занять его мѣсто». (стр. 10.)

Но вѣдь такая баснословная дешевизна труда только тамъ и мыслима, гдѣ предложеніе его значительно превышаетъ спросъ; — другими словами, гдѣ желающихъ быть кнехтами, гораздо болѣе, чѣмъ для существующихъ хозяйствъ ихъ требуется.—Слѣдовательно до сихъ поръ недостатокъ въ кнехтахъ не могъ быть причиной упадка частныхъ хозяйствъ.

Относительно того будетъ или не будетъ кнехтъ со временемъ, все что высказалъ Г-нъ Энгельгардтъ не болѣе какъ пророчества, предположенія, его личныя мнѣнія;—но вѣдь мнѣнія

о томъ, что будетъ со временемъ, могутъ быть очень различны, такъ напр. Г-нъ Энгельгардтъ убѣжденъ что:

«Хозяйство можетъ истинно прогрессировать *только тогда,* когда земля находится въ общемъ пользованіи и обработывается сообща». (стр. 295.)

«Что у насъ первый и самый важный вопросъ—есть вопросъ объ артельномъ хозяйствѣ. Каждый, кто любитъ Россію, для кого дорого ея развитіе, могущество, сила, долженъ работать въ этомъ направленіи». (стр. 306.)

Что «Будущее принадлежитъ хозяйству тѣхъ людей, которые будутъ сами обработывать свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, но сообща». (стр. 307).

Что «Нѣтъ никакого другаго исхода, какъ артельное хозяйство на общихъ земляхъ»! (стр. 336.)

Что «такъ какъ будущность у насъ имѣетъ только общинное мужицкое хозяйство, то всѣ старанія должны быть употреблены, чтобы эти пустующія (помѣщичьи) земли пришли къ мужику». (стр. 461.)

«Что у насъ до тѣхъ поръ не будетъ никакого хозяйственнаго порядка, что богатства наши будутъ лежать въ тунѣ, пока земли не будутъ принадлежать тѣмъ, кто ихъ работаетъ». (стр. 487.)

А я напримѣръ, совершенно убѣжденъ въ томъ:

Что общинное землевладѣніе (общинное хозяйство вовсе и не существуетъ) никакой будущности не имѣетъ, что даже теперь, по прошествіи съ небольшимъ 20 лѣтъ послѣ «Положенія» оно уже видимо и быстро идетъ къ разложенію.

Что при крѣпостномъ правѣ, общинное пользованіе землей обусловливалось существованіемъ *круговой поруки*, которая была нужна и выгодна только крѣпостному праву и имъ навязана крестьянамъ.

Что и въ настоящее время, общинное устройство существуетъ въ значительной степени только номинально и если вообще существуетъ, то только потому что существуетъ тоже, хотя и въ измѣненномъ видѣ, и крѣпостное право, во первыхъ въ смыслѣ прикрѣпленія крестьянина къ землѣ, а во вторыхъ почти

такого же неограниченнаго произвола міра т. е. толпы, надъ отдѣльной личностью, какимъ прежде пользовался помѣщикъ, что обусловливается всетаки *круговой порукой.*

Что душевой надѣлъ, въ размѣрѣ опредѣленномъ закономъ и обязательный для крестьянина есть по существу—нелѣпость, которая не возможна нигдѣ, а въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь.

Что такъ какъ естественное развитіе народнаго хозяйственнаго быта, всетаки нельзя насиловать долго,—то и круговая порука, а вслѣдъ за ней и общинное владѣніе очень скоро падутъ окончательно, и что слѣдующее поколѣніе будетъ знать о душевомъ надѣлѣ, только какъ объ историческомъ фактѣ, какъ мы знаемъ о существованіи въ XVI вѣкѣ Юрьева дня.

Что изъ крестьянъ, со временемъ, будетъ много землевладѣльцевъ не только среднихъ, но и крупныхъ;—быть можетъ даже большинство землевладѣльцевъ будетъ изъ людей вышедшихъ изъ крестьянъ, но огромное большинство крестьянъ всетаки не будетъ владѣть

землей на правѣ собственности ни личномъ, ни общинномъ.

Что мысль учреждать земледѣльческія коммуны съ общими столовыми и т. д. изъ интеллигентныхъ пролетаріевъ или самихъ крестьянъ, только смѣшна, а потому и безвредна.

Вотъ какъ различны, діаметрально противоположны могутъ быть отдѣльныя, личныя мнѣнія о будущемъ;—только время покажетъ, кто правъ.

Если оправдается предсказаніе Г-на Энгельгардта, то «кнехта» не будетъ, а слѣдовательно не будетъ и частнаго земельнаго хозяйства и всего того, что безъ «кнехта» существовать не можетъ т. е. фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ заведеній, желѣзныхъ дорогъ, шоссе, каналовъ и проч. и проч.—если же оправдается мое, то «кнехтъ» будетъ, ибо безъ него не можетъ обойтись никакое государство.

Но повторяю, пока это все только пророчество о томъ что будетъ или чего не будетъ—а что теперь «кнехтъ» есть, этого Г-нъ Энгельгардтъ не только не отвергаетъ, но да-

же утверждаетъ, что онъ есть въ изобиліи и излишествѣ, слѣдовательно и не въ отсутствіи «кнехта» можетъ быть причина упадка частнаго земельнаго хозяйства.

Но упадокъ этотъ всетаки несомнѣнно существуетъ, хотя, какъ я старался доказать, вовсе не по тѣмъ причинамъ, на которыя указываетъ Г-нъ Энгельгардтъ;—а разъ, что онъ существуетъ, какъ болѣе или менѣе общій фактъ—должна быть и общая тому причина.

III.

Причина того явленія, о которомъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, т. е. почти всеобщій упадокъ частнаго земельнаго хозяйства и бѣгство помѣщиковъ землевладѣльцевъ изъ своихъ и отъ своихъ имѣній, заключается, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ, что если вѣра въ нерушимость, неприкосновенность права личной, частной собственности на землю, еще вообще существуетъ въ комъ нибудь, если она еще не окончательно уничтожена, то всетаки поколеблена до такой степени,

что никакое правильное, разумное пользованіе землей, а главное никакая крупная, значительная и на долгій срокъ затрата капитала на улучшеніе хозяйства—невозможны. Тамъ, гдѣ право собственности на самую землю не считается ни прочнымъ, ни надежнымъ, возможно только *хищническое* хозяйство, «срываніе катеринокъ» — хозяйство, основной принципъ котораго Г-нъ Энгельгардтъ очертилъ такъ:

«Если я получу отъ льна 100 р. чистаго дохода съ десятины, *то не все ли мнѣ равно, что земля истощится, — да хоть бы она совсѣмъ провалилась*». (стр. 71.)

Представимъ себѣ на минуту, что въ Москвѣ и Петербургѣ установилось всеобщее убѣжденіе, даже между самими домовладѣльцами, что частное, личное владѣніе домами, особенно большими «не имѣетъ смысла», «что это—нелѣпость»,—что такъ какъ, особенно въ нашемъ суровомъ климатѣ, каждый нуждается въ зданіи, въ четырехъ стѣнахъ и кровѣ, а дома принадлежатъ сравнительно очень не многимъ, которые сами лично ими даже большею частью и не пользуются, т. е. въ нихъ не живутъ,—то надо всѣхъ «поравнять».—Всѣ дома были

бы признаны— «царскими, конечно не въ томъ смыслѣ, что они составляютъ личную, царскую собственность, а въ томъ, что Царь есть распорядитель всѣхъ домовъ, главный домовой хозяинъ. На то онъ и Царь... общественная польза и справедливость, требуютъ равнять дома, производить передѣлы. — Царь объ общественной пользѣ думаетъ. Видитъ Царь, что дома пустуютъ и скорбитъ его царское сердце о такомъ непорядкѣ. Видитъ Царь, что у однихъ домовъ нѣтъ, дѣваться не куда, жить не гдѣ, а у другихъ много, такъ что они справиться съ ними не могутъ и болитъ его сердце». (стр. 449.)

«Царь хочетъ, чтобы всѣмъ было *«равно»*, потому что всѣхъ онъ одинаково любитъ, всѣхъ ему одинаково жалко.—Функція Царя—всѣхъ равнять». (стр. 448.) Равнять будутъ не такъ, «какъ сообщаютъ разные корреспонденты: отнимутъ дома у домовладѣльцевъ и отдадутъ тѣмъ у кого ихъ нѣтъ. Нѣтъ, это не такъ». (стр. 449.)—но если напр. въ домѣ 50 комнатъ, то одну изъ нихъ оставятъ прежнему владѣльцу, а остальныя 49, отдадутъ 49 интеллигентнымъ пролетаріямъ, которые и за-

ведутъ тамъ коммуну.—Все дѣло въ томъ только, чтобы *поравнять*.

Какъ поступили бы въ такихъ обстоятельствахъ домовладѣльцы? — Прежде всего, они перестали бы совершенно дѣлать какія бы то ни было затраты на перестройку, улучшеніе, даже на самый обыкновенный ремонтъ домовъ, на поддержку ихъ въ прежнемъ видѣ, чего уже было бы достаточно, чтобы дома все болѣе и болѣе приходили въ разрушеніе.—Затѣмъ, въ ожиданіи предстоящаго «равненія» и пока они еще «считаются собственниками» — домовладѣльцы постарались бы выручить изъ нихъ, что возможно, — «что сорвалъ, то и съѣлъ» или припряталъ на тотъ черный или розовый день, когда Россія обратится ьъ собраніе коммунъ изъ интеллигентныхъ пролетаріевъ. Они стали бы обращать въ деньги все что возможно, напр. желѣзную крышу продали бы какъ желѣзный ломъ, стали бы разбирать стѣны и продавать кирпичь—словомъ, сами стали бы разрушать собственное имущество изъ понятнаго желанія спасти хоть что нибудь, хоть 5, 10, 15 р. за то, что можетъ приносить 100 р. дохода.

Послѣ этого вѣроятно и городъ представилъ бы ту картину, которую Г-нъ Энгельгардтъ увидалъ по пріѣздѣ изъ Петербурга въ деревню и которую онъ изобразилъ такъ: «Дѣйствительно, проѣзжая по уѣзду и видя всюду запустѣніе и разрушеніе, можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля, если бы не было видно, что это разрушеніе не насильственное, но постепенное, что все рушится само собою, пропадетъ изморомъ». (стр. 104.) Другими словами, что это нормальное послѣдствіе улучшенія быта.

Такое предположеніе относительно городскихъ домовъ, многимъ можетъ показаться страннымъ, такъ какъ мы еще не привыкли къ той мысли, что если земля не можетъ и не должна быть личной, частной собственностью, то нѣтъ рѣшительно никакой разумной, логической причины, почему бы тоже правило не примѣнить и ко всякой другой собственности недвижимой или движимой.

Съ землей въ Россіи случилось именно то, что кажется даже уродливымъ, примѣненное, въ видѣ предположенія, къ городскимъ домамъ.—Въ надежность, прочность, неприкосно-

венность права собственности на землю, не вѣритъ почти никто.—Г-нъ Энгельгардтъ подмѣтилъ это явленіе и изобразилъ его очень рельефно:

«Всѣ ждутъ милости, всѣ увѣрены—*весь мужикъ увѣренъ*—что милость на счетъ земли будетъ, чтобы тамъ господа ни дѣлали. Поговорите съ любымъ мальчишкой въ деревнѣ и вы услышите отъ него, что милость будетъ. Любой мальчишка стройно, систематично, «опрятно» и порядочно изложитъ вамъ всю суть понятій мужика на счетъ земли, такъ какъ эти понятія онъ всосалъ съ молокомъ матери». (стр. 440.)

«Даже къ помѣщикамъ обращались съ вопросами, можно ли покупать земли въ вѣчность, будутъ ли потомъ возвращены деньги тѣмъ, которые купили земли и т. п.»

«Съумѣйте вызвать простаго человѣка на откровенный разговоръ, или лучше, съумѣйте прислушаться къ нему, понять его, и вы увидите, что мысль о «милости» присуща каждому—и деревенскому ребенку и мужику и деревенскому начальнику и солдату и жандарму и уряднику изъ простыхъ, мѣщанину, купцу

попу и не только такому человѣку, который какъ мужикъ, мѣщанинъ, попъ, не имѣетъ собственной земли, а пользуется общественной, но и такому, который пріобрѣлъ землю покупкой». (стр. 442.)

Изъ этихъ словъ Г-на Энгельгардта, можно заключить, что въ Россіи не только *мужикъ*, но всѣ рѣшительно вѣрятъ въ уничтоженіе самаго принципа права личной собственности на землю, за единственнымъ исключеніемъ *господъ* т. е. самихъ землевладѣльцевъ—помѣщиковъ.—Но я думаю, что онъ напрасно дѣлаетъ такое исключеніе. — Конечно землевладѣльцы не вѣрятъ въ то, что при каждой ревизіи будетъ происходить передѣлъ всѣхъ земель во всемъ государствѣ;—разсылка земской управой или статистическимъ комитетомъ бланокъ, для собиранія свѣдѣній о количествѣ земли въ каждомъ имѣніи, не вызываетъ въ нихъ убѣжденія, что весной пріѣдутъ землемѣры ровнять землю, — но увѣренности въ прочности права собственности на землю, въ нерушимости, неприкосновенности этого права, у самихъ землевладѣльцевъ я думаю менѣе, чѣмъ у кого бы то ни было. — Оно и есте-

ственно, иначе и быть не можетъ; — вѣдь о томъ что вѣроятно будетъ, что можетъ или должно быть, люди всегда судятъ по тому, что уже было,—а вотъ нѣкоторыя черты историческаго хода нашего законодательства относительно правъ личной собственности на землю крестьянъ, купцовъ, мѣщанъ и дворянъ.

Въ журналѣ «Русская мысль» 1882—83 годовъ помѣщена, замѣчательная своей добросовѣстностью и дѣльностью, статья Г. А. Ефименко «крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ».—Хотя авторъ очевидно сочувствуетъ именно общинной формѣ землевладѣнія ибо, по его мнѣнію «трудно не признавать и не цѣнить всей той массы преимуществъ, какія имѣетъ общинная форма землевладѣнія передъ индивидуальной» тѣмъ не менѣе близкое и основательное изученіе относящихся къ дѣлу актовъ и документовъ, заставило его, не смотря на «мучительныя колебанія, въ которыхъ субъективный элементъ привычной вѣры боролся съ все возрастающимъ сомнѣніемъ, навязываемымъ фактами» —признать, что: «ученіе пустившее крѣпкіе корни въ обществен-

номъ сознаніи объ исконности существующей формы поземельной общины, есть *мiръ*».

Что до половины XVIII вѣка, именно до межевыхъ инструкцій и манифеста 1765 г. и указа 1766 года, крестьяне владѣли землей на правѣ личномъ и наслѣдственномъ. Продавали ее, покупали, закладывали, отдавали по духовнымъ завѣщаніямъ и въ приданое за дочерьми.—Но «межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію — да и не къ нему одному—являются настоящими декратами конвента. Если ихъ революціонный характеръ не вызвалъ въ сѣверномъ населеніи насильственной реакціи, то конечно, только потому, что издать указъ еще не значитъ привести его въ исполненіе».—А также потому, прибавимъ мы, что «сила солому ломитъ». «Правительство впервые заявило совершенно опредѣленно и категорически, что земля, на которой сидятъ такъ называемые государственные крестьяне есть его собственность, распоряженіе которой принадлежитъ только ему. — Старыя права крестьянъ прямо названы *узурпаціей*.—Крестьянамъ впередъ запрещалось какого бы то ни было вида от-

чужденіе земель: они не могли больше ни продавать земель, ни закладывать, ни отдавать ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ, ни давать въ приданое за дочерьми; запрещеніе это имѣло отчасти даже обратное дѣйствіе до временъ Уложенія. Посадскіе люди, въ силу вышепомянутыхъ положеній, совсѣмъ изгонялись изъ деревень, такъ какъ права на владѣніе деревенскими угодьями признавались лишь за тѣми изъ нихъ, кто могъ представить именные указы и жалованныя грамоты на владѣніе, а такіе составляли ничтожное исключеніе».

Да и эти исключенія, какъ видно, допускались не всегда, такъ напримѣръ Архангельское ратушское правленіе рѣшило: «А прежнія ихъ великихъ Государей грамоты, нынѣшнимъ его великаго Государя указамъ, не примѣръ».

«Въ 1790 г. повелѣно было въ послѣдній разъ всѣ земляныя угодья изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ исключить и присоединить оныя къ тяглу тѣхъ селеній, въ коихъ они по мѣстоположенію состоятъ; ежели-же изъ купцовъ и мѣщанъ на владѣніе сихъ земель представлять будутъ жалованныя предкамъ ихъ грамоты или другія указныя крѣпости, то оныя,

отобравъ, препроводить для разсмотрѣнія, куда слѣдуетъ по закону. — Черезъ два года земли были уже окончательно отобраны у всѣхъ владѣльцевъ изъ посадскихъ людей, кромѣ Баженинихъ, за которыми осталась ихъ старинная деревня Вавчуга».

Такъ покончили съ купцами и мѣщанами, но съ крестьянами дѣло затянулось ибо дѣйствительно «издать указъ еще не значитъ привести его въ исполненіе». — «Любопытно, говоритъ авторъ, что категорическія запрещенія правительства на счетъ отчужденія земель крестьянами, — запрещенія, то и дѣло повторявшіяся, оказывали очень слабое дѣйствіе. Крестьяне продолжали закладывать свои земли, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ. Мало того, продолжали совершаться даже формальныя продажи, только измѣнившія не много внѣшность, чтобы не попасть подъ кару закона. Купчая называется не купчей, а «полюбовнымъ» или «поступнымъ письмомъ», но тѣмъ не менѣе, представляетъ собою настоящую купчую, какъ по формѣ, такъ и по содержанію».

Но всѣ эти уклоненія крестьянъ были окон-

чательно уничтожены Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго совѣта 1831 г., которымъ повелѣно было «уровнять по Архангельской губерніи земли между крестьянами».

«Въ первый разъ вопросъ объ общемъ раздѣлѣ поставленъ былъ ребромъ, такъ что Архангельскимъ крестьянамъ уже нельзя было дольше уклоняться. Дѣйствительно въ 1830—31 году всюду было приступлено къ общему раздѣлу земель, не различая уже больше никакихъ родовыхъ или добавочныхъ».

«Видно, говоритъ авторъ, какъ трудно было крестьянину освоиться съ мыслію, что его неоспоримая, вчерашняя собственность, сегодня уже сдѣлалась почему то не его, а чужая и онъ не вольно относился къ раздѣлу — какъ къ акту насилія».

Да, конечно, — но все таки относительно крестьянъ, правительство поступило въ этомъ случаѣ, какъ въ баснѣ Крылова добродушный разбойникъ съ мужикомъ, у котораго онъ отнялъ корову и подойникъ, но тронутый его отчаяніемъ рѣшилъ:

«Ужъ такъ и быть, возьми назадъ подойникъ». Крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, часть

отнятой у нихъ, бывшей ихъ собственной земли, было дано въ пользованіе, въ качествѣ надѣла,—но позволительно думать, что купцамъ и мѣщанамъ было еще труднѣе «освоиться съ этой мыслью» — такъ какъ у нихъ земли были просто отобраны безъ всякаго вознагражденія, съ указаніемъ «поселиться по мѣстамъ въ городахъ и предмѣстьяхъ, при промыслахъ и упражненіяхъ званію ихъ свойственныхъ».

Замѣчательно, что тоже самое правительство, которое, по мѣткому выраженію Г. Ефименко, издавало законы относительно землевладѣнія крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ, достойные декретовъ революціоннаго конвента, — еще одиннадцать лѣтъ спустя исповѣдывало совершенно другіе взгляды по тому же вопросу о нерушимости права собственности на землю, если это право принадлежало дворянамъ.

Вотъ что сказано въ указѣ 2-го Апрѣля 1842 года:

«Въ ст. 440—457. Св. Зак. о сост. т. IX, установлены правила, на основаніи коихъ помѣщикамъ дозволено обращать крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, съ уступкою

имъ въ собственность помѣщичьихъ земель, за опредѣленное, по взаимному условію вознагражденіе. Желая, въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи таковыхъ условій, принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, — Мы признали за благо, въ исполненіе Св. Зак. о сост. т. IX ст. 442 п 3 предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими, по взаимному соглашенію, договоры на такомъ основаніи, чтобы не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея»...

Такое явное противорѣчіе во взглядахъ нашего законодательства на одно и тоже право собственности на землю, не могло долго удержаться; одинъ изъ двухъ, взаимно другъ друга исключающихъ принциповъ, долженъ былъ устраниться и уступить мѣсто другому. Если

«въ видахъ государственной пользы» нельзя было допустить отчужденія вотчинной собственности на землю дворянъ, безъ личнаго, не принужденнаго согласія владѣльца, то не чѣмъ было оправдать или объяснить тѣ «декреты» которыми, даже вовсе безъ вознагражденія отнималась жалованная, родовая и купленная земля у Архангельскихъ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ. Если же на оборотъ, все извиняющая «государственная польза» достаточно оправдывала это нарушеніе права собственности, во имя «равненія» — то не было никакого основанія допускать исключеніе въ пользу дворянъ—помѣщиковъ.

И дѣйствительно, черезъ 19 лѣтъ окончательный перевѣсъ получили теоріи конвента и появилось Положеніе 19 Февраля 1861 г.

Это новое законодательство, по существу, уже вовсе не признаетъ принципа нерушимости права собственности на землю, но не рѣшается высказать это прямо и ясно, и говоритъ совершенно противное, вслѣдствіе чего неизбѣжны противорѣчія между словомъ и смысломъ закона.

Въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣп. зависим. сказано:

Ст. 3. Помѣщики, *сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли,* предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ, усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ Мѣстныхъ Положеніяхъ.

Ст. 11. Крестьянамъ предоставляется право выкупать въ собственность усадебную ихъ осѣдлость, посредствомъ взноса опредѣленной выкупной суммы и съ соблюденіемъ правилъ въ Мѣстныхъ Положеніяхъ изложенныхъ.

Ст. 12. Съ согласія помѣщиковъ крестьяне могутъ, сверхъ усадебной осѣдлости, пріобрѣтать въ собственность, на основаніи общихъ законовъ, полевыя земли и другія угодья, отведенныя тѣмъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе.

Подъ *правомъ собственности,* всегда и вездѣ разумѣлось и *право пользованія* по своему

усмотрѣнію этой собственностью, а потому если на основаніи ст. 3. право пользованія частью земли ограничивается обязанностью дать ее въ надѣлъ крестьянамъ, на условіяхъ опредѣленныхъ закономъ, не зависимо отъ доброй воли владѣльца этой земли, — то прежде бывшее право собственности на всю землю не *сохраняется* а напротивъ *упраздняется* и *замѣняется* новымъ, ограниченнымъ правомъ.

Если это новое, ограниченное право собственности состоитъ въ томъ, что хотя владѣлецъ земли и обязанъ довольствоваться тѣмъ способомъ пользованія и тѣмъ доходомъ съ нея, которые опредѣлены закономъ, но имѣетъ право не соглашаться на ея окончательное отчужденіе посредствомъ выкупа, то этому прямо противорѣчитъ ст. 11., которая предоставляетъ крестьянамъ право выкупить часть этой земли, усадебную осѣдлость, безъ согласія собственника.

Если это право окончательнаго отчужденія земли безъ согласія владѣльца, не нарушаетъ вновь созданнаго ст. 3 ограниченнаго права собственности на всю землю, то почему же ст. 12 отрицаетъ такое право отчужденія дру-

гихъ угодій?—и дѣйствительно, по прошествіи только 20 лѣтъ, ст. 12 уже упразднена новымъ закономъ, который не только не распространилъ право крестьянъ на выкупъ всего надѣла, но вовсе отмѣнилъ *право выкупа* и замѣнилъ его *обязанностью выкупа* для обѣихъ сторонъ.

За тѣмъ остается еще ст. 8 того же положенія, которая говоритъ:

Помѣщики, надѣливъ крестьянъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, землею, на основаніи мѣстныхъ положеній, не обязаны впредь, ни въ какомъ случаѣ, надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того количествомъ земли.

Но можетъ ли землевладѣлецъ видѣть хоть въ этой статьѣ серьезную, надежную гарантію на будущее время нерушимости, неприкосновенности его права собственности на ту землю, которая осталась ему за надѣломъ крестьянъ, или даже на такую, которую онъ купилъ послѣ освобожденія, надѣла и выкупа? — Конечно, нѣтъ.

Во первыхъ потому, что отмѣнить вовсе ст. 8 общаго положенія ни сколько не труд-

нѣе, чѣмъ ст. 12 или всякую другую, а изъ бывшаго уже примѣра повѣрочныхъ коммиссій мы знаемъ, что ст. 8 имѣетъ силу *не во всякомъ случаѣ*, даже пока она существуетъ.

Во вторыхъ потому, что ст. 8, говоритъ не о землевладѣльцахъ а о помѣщикахъ, которыхъ уже болѣе не существуетъ, ибо помѣщикомъ назывался не всякій землевладѣлецъ, а только тотъ, который имѣлъ прежде крѣпостныхъ, а потомъ временно обязанныхъ крестьянъ.

Наконецъ въ третьихъ потому, что этого не допускаетъ самая простая логика. — Если въ 1861 году, во имя Государственной пользы, было справедливо и необходимо дать крестьянамъ изъ помѣщичьей земли надѣлъ, въ извѣстномъ размѣрѣ—то тоже самое необходимо и справедливо во всякое другое время, какъ только окажутся крестьяне не имѣющіе такого надѣла.—А это должно случиться непремѣнно ибо, какъ извѣстно, народонаселеніе увеличивается постоянно, вслѣдствіе естественнаго прироста, а размѣры земельныхъ угодій не увеличиваются;—такъ что ежели дѣйствительно въ 1861 году, для 10 милліоновъ крестьянъ было достаточно 30 милліоновъ десятинъ

земли, то теперь, предполагая, что число душъ увеличилось на 20%, очевидно уже не достаетъ 6 мил. десят. для удовлетворенія той самой потребности, во имя той самой государственной необходимости и высшей справедливости, которыя вызвали актъ 1861 года.—Но дать крестьянамъ эти недостающіе 6 мил. десят. можно разумѣется не иначе, какъ тѣмъ же путемъ, т. е. взявъ ихъ предварительно у тѣхъ «кто считается собственниками» земли, ибо въ Европейской Россіи уже давно нѣтъ болѣе такихъ земель, которыя не считались бы чьей либо собственностью.

Такимъ образомъ оказывается совершенно логичнымъ взглядъ крестьянъ, который, по удостовѣренію Г-на Энгельгардта, состоитъ въ томъ «что черезъ извѣстные сроки, при ревизіяхъ, будутъ *общія равненія всей земли* по всей Россіи, подобно тому, какъ теперь въ *каждой общинѣ* въ частности, черезъ извѣстные сроки, бываетъ передѣлъ земли между членами общины, при чемъ каждому нарѣзается столько земли, сколько онъ можетъ осилить». (стр. 448.)

Кромѣ того, нельзя не признать, что госу-

дарственная власть нравственно обязана быть справедливой, не только относительно одного какого либо сословія, хотя бы даже и крестьянъ,—но относительно всѣхъ, а потому нѣтъ никакой разумной причины дать право участія въ «общемъ равненіи всей земли по всей Россіи» — только крестьянамъ. — Есть напр. извѣстные Г-ну Энгельгардтъ «интеллигентные пролетаріи» — эти господа конечно не откажутся получить чужой земли сколько, они «могутъ осилить». Имъ и необходимо пересѣсть на землю, такъ какъ они имѣютъ спеціальное призваніе завести настоящія коммуны и обучить этому крестьянъ.

«Да и кромѣ мужика, восклицаетъ Г. Энгельгардтъ, — неужели участь всѣхъ интеллигентныхъ людей служить, киснуть въ канцеляріяхъ? Неужели же земля не привлечетъ интеллигентныхъ людей?... Наконецъ земля должна привлечь интеллигентныхъ людей, потому что земля даетъ свободу, независимость, (по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто не боится *кепокъ* и *колокольчиковъ*) а это такое благо, которое выкупаетъ всѣ тягости тяжелаго земледѣльческаго труда». (стр. 437).

Жаль только, что теперь нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя бы приблизительно, сколько для этихъ господъ потребуется земли. — О числѣ крестьянъ всетаки имѣются кой какія статистическія свѣдѣнія, тогда какъ объ «интеллигентныхъ пролетаріяхъ» даже самъ Г-нъ Энгельгардтъ знаетъ только; что «имъ нѣсть числа». (стр. 421.)

Можно ли наконецъ удовольствоваться, однимъ равненіемъ всей земли по всей Россіи?— Конечно нѣтъ. Г. Энгельгардтъ очень основательно замѣчаетъ: «Что же мнѣ или моимъ дѣтямъ въ томъ, что я имѣю *право на землю,* когда у меня нѣтъ ни капитала, ни орудій для обработки—это все равно, что слѣпому дать землю—ѣшь ее»! (стр. 324, 325)—Положимъ, орудія для обработки, можно добыть имѣя капиталъ, но этотъ послѣдній очевидно совершенно также необходимъ какъ и земля, а потому строго логически слѣдуетъ распространить систему періодическаго равненія всей земли, по всей Россіи и на всѣ капиталы, ибо въ самомъ дѣлѣ, не для того же земля будетъ даваться, чтобы люди ее ѣли.

Словомъ, нарушеніе права собственности

есть та наклонная плоскость, на которой можно не дѣлать перваго шага, но если онъ сдѣланъ, то трудно удержаться отъ втораго, почти не возможно отъ третьяго и т. д. при чемъ быстрота движенія увеличивается въ геометрической пропорціи.

Вотъ, мнѣ кажется, настоящая, вполнѣ понятная и болѣе чѣмъ достаточная причина упадка хозяйства, объясняющая почему хозяева бѣгутъ отъ своихъ имѣній. — Всякій хозяинъ знаетъ, что нѣтъ промышленности, которая въ большей степени чѣмъ земледѣльческая требовала бы затраты капитала, на продолжительный срокъ; но такая затрата разумнымъ образомъ возможна только тамъ, гдѣ есть увѣренность въ неприкосновенности права собственности на землю—въ невозможности изданія такихъ законовъ, которые достойны быть декретами конвента,—но конечно не тамъ, гдѣ какъ у насъ, по имѣющимся уже примѣрамъ, всякій увѣренъ, что всѣ земли, по всей Россіи, будутъ періодически «равнять».

И тутъ Г. Энгельгардтъ совершенно правъ утверждая, что всѣ административныя попытки въ родѣ «объявленія» изданнаго въ 1879 году,

министромъ внутреннихъ дѣлъ Маковымъ съ цѣлью «убѣдить народъ, что никакихъ равненій не будетъ, такъ какъ правительство и законъ ограждаютъ собственность, вызываютъ еще большіе толки среди мужиковъ въ направленіи совершенно обратномъ». (стр. 443.)— Вѣрятъ разумѣется, не печатнымъ «объявленіямъ» или словамъ, сказаннымъ при болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ, но вѣрятъ опыту, уже пережитымъ примѣрамъ, хорошо зная, что было бы сущей клеветой обвинять правительство въ большемъ уваженіи къ правамъ вообще и праву собственности поземельной особенно, чѣмъ Французскій конвентъ, стяжавшій въ этомъ отношеніи безсмертную память.

Но довольно; — вѣдь все это относится ко вводному вопросу о томъ, что именно вызвало бѣгство землевладѣльцевъ отъ ихъ имѣній,— а теперь возвратимся къ вопросу болѣе важному въ будущемъ а именно: въ какой мѣрѣ желательно и необходимо устранить вовсе личныхъ землевладѣльцевъ отъ владѣнія землей и тѣмъ или другимъ путемъ добиться, чтобы и земля пнадлежала только тѣмъ, кто её работаетъ?

IV.

Г-нъ Энгельгардтъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ, очень вѣрно «что нѣтъ химіи русской, англійской или нѣмецкой, есть только общая всему свѣту химія». (стр. 133.)—Это безспорное положеніе, также вѣрно и относительно нѣкоторыхъ другихъ наукъ, напр. политической экономіи, истины которой тоже «космополитичны, неизмѣнны, составляютъ всеобщее достояніе» (стр. 132) и имѣютъ всегда и повсюду значеніе не требующихъ доказательства аксіомъ.

Такихъ истинъ, выработанныхъ политической экономіей, я приведу три *).

Первая состоитъ въ томъ, что чѣмъ вѣрнѣе помѣщенъ капиталъ, тѣмъ менѣе процентовъ роста онъ приноситъ, и на оборотъ, чѣмъ болѣе риска, сопряжено съ помѣщеніемъ капитала, тѣмъ больше процентовъ роста онъ даетъ.

---

*) Мысли эти уже были высказаны, лѣтъ десять тому назадъ, въ статьѣ Гр. Орлова-Давыдова, въ Вѣстникѣ Европы.

Доказывать этого не стоитъ, всякій изъ практическаго опыта знаетъ, что если тотъ же капиталистъ по государственнымъ бумагамъ довольствуется 5%, по закладнымъ частныхъ лицъ требуетъ 7 или 8%, а безъ веществ-наго залога довѣритъ капиталъ частному человѣку развѣ только изъ 10, 12 или болѣе процентовъ, такъ это потому, что государственныя бумаги болѣе надежны, чѣмъ долговое обязательство частнаго лица, даже обезпеченное залогомъ, а это послѣднее гораздо надежнѣе долговаго обязательства, обезпеченнаго не вещественно, а только нравственно, личной честностью должника.

Вторая состоитъ въ томъ, что чѣмъ крупнѣе капиталистъ, чѣмъ большимъ капиталомъ онъ владѣетъ, тѣмъ болѣе онъ расположенъ искать возможно болѣе *вѣрнаго* помѣщенія своего капитала, хотя бы и менѣе *выгоднаго* — и на оборотъ, чѣмъ мельче капиталистъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ искать болѣе *выгоднаго* помѣщенія, хотя бы и болѣе *рискованнаго*.

Это тоже едвали нуждается въ доказательствахъ: если капиталистъ имѣетъ милліонъ, то помѣстивъ его въ государственныя 5% бума-

ги, онъ будетъ имѣть только трудъ два раза въ годъ отрѣзывать купоны и будетъ получать безъ всякихъ хлопотъ и риска 50 т. годоваго дохода, что дастъ ему возможность, не только жить такъ же хорошо и лучше чѣмъ всѣ, кого онъ считаетъ себѣ равными, но и откладывать ежегодно излишки въ капиталъ. — Если же у него капиталу только 100 т., то онъ уже не будетъ довольствоваться 5% т. е. 5 т. годоваго дохода;—такой доходъ можно назвать довольствомъ, съ нимъ можно жить безбѣдно,— но это не есть богатство, къ которому стремится всякій, а потому онъ постарается увеличить доходъ, помѣстить напр. капиталъ въ частныя руки изъ 8, 10%. Если же наконецъ онъ имѣетъ всего только 10 т. капитала, то и 10%, т. е. тысяча рублей дохода его не удовлетворятъ и онъ рѣшится на болѣе рискованное предпріятіе, напр. на торговый оборотъ, который можетъ дать ему 20, 25%, но гдѣ онъ рискуетъ потерять и самый капиталъ.

Наконецъ третье положеніе состоитъ въ томъ, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ, во всей Европѣ и Америкѣ, гдѣ только право дѣйствительно существуетъ и не боится про-

извола,—самымъ вѣрнымъ, а потому и наименѣе выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, всегда было и есть — *землевладѣніе,* и на оборотъ, самымъ рискованнымъ а потому и самымъ выгоднымъ—*земледѣліе.*—Понять это не трудно: цѣнность земли постоянно, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ и медленно возвышается, уже вслѣдствіе одного увеличенія спроса на нее, которое неизбѣжно при постоянномъ увеличеніи народонаселенія; цѣнность эта не находится въ зависимости отъ биржевыхъ колебаній, которымъ подвержены даже самые солидные государственные фонды, земля не можетъ быть украдена, она не горитъ и не тонетъ, для нея не существуетъ болѣзней, повѣтрій и падежей, она не боится даже войны, которая можетъ сдѣлать большой вредъ хозяйству, но никакого землѣ. Словомъ, нельзя придумать болѣе прочнаго и надежнаго помѣщенія капитала, какъ землевладѣніе.

Напротивъ замледѣліе есть не болѣе какъ извѣстный родъ промышленности и, какъ всякая промышленность, сопряжена съ значительнымъ рискомъ, зависящимъ не только отъ личныхъ качествъ и способностей хозяина,

но и отъ обстоятельствъ лежащихъ внѣ его воли и власти. Кромѣ того, земледѣліе находится еще въ полной зависимости отъ атмосферическихъ явленій, которыхъ ни предусмотрѣть, ни предупредить, не можетъ никакой хозяинъ, что удвоиваетъ сопряженный съ нимъ рискъ, сравнительно со всякой другой промышленностью. — Изъ всего этого логически слѣдуетъ, что вездѣ, при нормальныхъ обстоятельствахъ, землевладѣніе, какъ самое вѣрное дѣло, должно быть и всего менѣе выгодно, а потому оно естественная задача самыхъ крупныхъ въ странѣ капиталистовъ, т. е. самыхъ богатыхъ людей; что и подтверждается въ настоящее время въ Россіи тѣмъ, что земли частныхъ владѣльцевъ все болѣе сосредоточиваются въ рукахъ богатыхъ купцовъ, которые одни только и имѣютъ значительные свободные капиталы, для которыхъ они ищутъ уже не столько выгоднаго, сколько вѣрнаго помѣщенія.—Напротивъ земледѣліе, какъ самое рискованное дѣло, должно быть и самымъ выгоднымъ, а потому оно такъ же естественно задача самыхъ мелкихъ капиталистовъ, т. е. самыхъ бѣдныхъ людей.

Выводъ этотъ принципіально, теоретически вѣренъ по всюду, но практически, онъ въ Россіи еще болѣе вѣренъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Каждое государство, смотря по его географическимъ, экономическимъ, статистическимъ и другимъ условіямъ имѣетъ свой maximum и minimum частнаго владѣнія землей.—Такъ напр. въ Бельгіи или въ Англіи, вслѣдствіе ограниченности территоріи, очень высокой густоты населенія, большаго накопленія капиталовъ, развитія фабричной и торговой промышленности и многихъ другихъ причинъ, покупная цѣна земли очень высока; тамъ участокъ земли размѣромъ напр. въ 300 десятинъ, очень крупное владѣніе и можетъ принадлежать только очень богатому человѣку, какъ потому что для пріобрѣтенія его нуженъ большой капиталъ, такъ и потому что наименьшій съ него доходъ всетаки представляетъ большую сумму.—Въ Россіи напротивъ, вслѣдствіе громадности территоріи, малочисленности населенія, бѣдности, дѣтскаго состоянія промышленности и торговли и проч. и проч.—владѣніе въ 300 десятинъ ни гдѣ не можетъ быть

признакомъ богатства, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ можно, владѣя 300 десятинами, быть бѣднымъ человѣкомъ.

Но земледѣліе какъ и всякое промышленное дѣло и еще гораздо болѣе всякаго другаго, ограничено въ своихъ размѣрахъ. Для сколько нибудь, правильнаго, безубыточнаго веденія хозяйства, необходимо прежде всего постоянное наблюденіе самаго хозяина. Фабрикантъ напр. можетъ, уѣзжая на нѣсколько дней, назначить каждому изъ рабочихъ, что именно онъ долженъ сработать въ его отсутствіи, но сельскій хозяинъ этого сдѣлать не можетъ, даже находясь лично на мѣстѣ онъ часто, смотря по погодѣ, вынужденъ два и три раза въ день совершенно измѣнить свои распоряженія.

Если допустить, что дѣятельный, знающій и опытный хозяинъ, можетъ подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ удовлетворительно вести хозяйство, на пространствѣ напр. 300 десят.— то въ Бельгіи возможно, какъ исключеніе, что очень богатый человѣкъ, хотя бы просто изъ любви къ дѣлу, былъ одновременно и владѣльцемъ 300 десятинъ и самъ велъ бы на нихъ хозяйство, — но въ Россіи, если онъ богатъ,

если его богатство заключается во владѣніи землей, то это уже не сотни десятинъ а десятки, иногда сотни тысячь, обыкновенно разбросанныя по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ, на огромныхъ пространствахъ, а при такихъ условіяхъ соединеніе въ одномъ лицѣ землевладѣльца и земледѣльца хозяина уже совершенно не мыслимо, даже какъ исключеніе.

Само собою разумѣется, что чѣмъ ниже въ странѣ maximum владѣнія землей, тѣмъ ниже и minimum, такъ напр. если принять, что этотъ maximum въ Бельгіи равняется по размѣру нашимъ 300 десятинамъ, то если какое нибудь семейство, работающее собственными руками имѣло бы въ своемъ владѣніи только одну десятину земли, оно навѣрное считалось бы зажиточнымъ, вполнѣ обезпеченнымъ, — тогда какъ въ Россіи гдѣ maximum владѣнія очень высокъ, мы видимъ, даже изъ словъ Г-на Энгельгардта, совершенно инос.—Крестьяне получили въ Смоленской губерніи, 4½ десетины на душу надѣла, что составитъ на семью 13½ десят. «Земля богата и производительность ея можетъ быть громадно увеличена. Трудъ земледѣльца можетъ превосходно

оплачиваться, будь онъ хотя немножко раціональнѣе приложенъ.... Словомъ всѣ данныя для развитія хозяйства, для благосостоянія есть, а между тѣмъ... (стр. 334.)

А между тѣмъ, рѣдкій крестьянинъ этой мѣстности можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ, большинство ходитъ въ «кусочки» т. е. питается милостыней, Христа ради.—Очевидно даже и отличная земля не обезпечиваетъ его и отъ нищенства. — Хуже того, именно эта земля, этотъ надѣлъ увеличиваетъ его бѣдственное положеніе.—Примѣромъ можетъ быть служащій у Г-на Энгельгардта скотникъ Петръ: «будь какая нибудь возможность Петру жить на своемъ надѣлѣ, онъ разумѣется не попалъ бы за такую плату (60 р. въ годъ) въ должность скотника, гдѣ ему нѣтъ покоя ни днемъ ни ночью». (стр. 9.) — Но возможности этой нѣтъ; Петръ бросилъ надѣлъ и нанялся въ скотники, гдѣ не имѣя со всей семьей покоя ни днемъ, ни ночью, онъ получаетъ 60 р. въ годъ, но и этимъ пользоваться не можетъ; у него есть надѣлъ и хотя онъ имъ не пользуется, но долженъ платить за него 20 р. оброку, т. е. $^1/_3$ часть всего годоваго заработка, а

прежде, когда у него было меньше дѣтей онъ платилъ 40 р. т. е. $^2/_3$ годоваго заработка.— А за что онъ платитъ этотъ оброкъ?—За право *не пользоваться надѣломъ*.—Если бы законъ дозволилъ ему быть «пролетаріемъ», что у насъ значитъ не имѣть земли, то благосостояніе этого Петра увеличилось бы на 33%.

Г-нъ Энгельгардтъ сознаетъ, что «теперь голь, бѣдность, хлѣба нѣтъ, скотъ кормить нечѣмъ, земли пустуютъ и какія земли! земли которыя сразу могутъ дать 13 четвертой (ржи) съ десятины!» (стр. 462)—но объясняетъ онъ это тѣмъ что «благосостояніе мужика можетъ улучшиться только тогда, если онъ такъ или иначе получитъ возможность увеличить свой надѣлъ, расширить свое хозяйство». Что *«мужикъ стонетъ отъ малоземелья»* (стр. 462—463)—Неужели и скотникъ Петръ стонетъ отъ малоземелья, не ужели его благосостояніе улучшится если его надѣлъ, а слѣдовательно и оброкъ, удвоить?

Тутъ явное противорѣчіе: земли пустуютъ, и отличныя земли, которыя сразу могутъ дать 13 четвертей ржи съ десятины «и такихъ пустошей у насъ пропасть, видимо-невидимо

и цѣнность ихъ самая ничтожная, 5, 10, 15 р. десятина». (стр. 482)—а крестьяне *стонутъ отъ малоземелья*, сами голодаютъ и скотъ кормить нечѣмъ.—Что же мѣшаетъ имъ покупать эти земли по 5, 10, 15 р. за десятину и въ первый же годъ брать съ нихъ по 100 р. доходу? — Недостатокъ денежныхъ средствъ? — Это не возможно, вѣдь крестьянинъ тратитъ на вино около 10 р. на душу въ годъ.—Самъ Г-нъ Энгельгардтъ платитъ за скосъ десятины плохаго луга, гдѣ не болѣе 100 пудовъ сѣна по 5 р.—Какъ бы мужику не сдѣлать такой простой и выгодной оборотъ: скосить десятину луга, это самое большее 3 дня работы, получить за это 5 руб. и купить на нихъ такую десятину, которая сразу даетъ 100 р. доходу?— Почему же этого не дѣлаютъ, а продолжаютъ стонать, голодать и ходить въ кусочки? — А потому что бѣда вовсе не въ недостаткѣ земли: что крестьянину толку въ томъ, еслибъ у него было вдвое или втрое болѣе земли, когда у него нѣтъ силъ и средствъ ею пользоваться— «это все равно, что дать землю слѣпому— ѣшь ее»!

До какой степени владѣніе большимъ ко-

личествомъ даже отличнаго чернозема не только не увеличиваетъ, но понижаетъ благосостояніе *большинства* крестьянъ всего лучше видно изъ свѣдѣній собранныхъ сенаторской ревизіей по Саратовской и Самарской губерніямъ, особенно по послѣдней. Въ 6-й книжкѣ Русскаго Вѣстника за прошлый годъ, помѣщена статья Г. Головина, подробно разбирающа эти свѣдѣнія. — Это уже не голословныя, ни на чемъ, кромѣ собственныхъ предвзятыхъ теорій, не основанныя разсужденія и возгласы, въ родѣ тѣхъ, которыми изобилуетъ книга Г-на Энгельгардта и которыми переполнено большинство современныхъ журналовъ,—нѣтъ, это сухая, голая, неумолимая правда, взятая прямо изъ самой жизни и на каждомъ шагу подтвержденная несомнѣнными, подавляющими своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, статистическими цифрами и фактами.—Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Самарская губернія, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ многоземельныхъ, съ черноземной, еще почти дѣвственной, а потому очень плодородной почвой и расположена на Волгѣ т. е. лучшемъ и самомъ дешевомъ пути сообще-

нія и съ центромъ Россіи и съ ея югомъ.— Не только главное, но единственное занятіе населенія — земледѣліе. Всѣхъ крестьянъ 682.164 души, которыя получили въ надѣлъ 6,460.000 десятинъ, среднимъ числомъ болѣе 9 десят. на душу; изъ нихъ только 15% получили менѣе 5 десят. на душу, что составляетъ maximum того, что семья можетъ обработать собственными силами, безъ помощи постороннихъ, наемныхъ рабочихъ, — остальные 85% получили гораздо болѣе.—Не смотря на то, что какъ арендныя, такъ и покупныя цѣны на земли постоянно и быстро возвышаются, и въ теченіи 20 лѣтъ уже утроились, крестьяне покупаютъ и арендуютъ все увеличивающееся количество земли. Со времени освобожденія, крестьянами въ Самарской губерніи куплено 478.000 дес. а арендуется ими ежегодно 1,600.000 до 1,800.000 десят. — Но все это видимое развитіе богатства относится только до незначительнаго *меньшинства* крестьянъ, которые быстро богатѣя, обращаются въ среднихъ и даже крупныхъ землевладѣльцевъ.— Положеніе же большинства представляется въ совершенно иномъ видѣ. Число крестьянъ

вовсе бросившихъ хозяйство и безлошадныхъ составляетъ по губерніи 11,4% и при томъ, чѣмъ крестьяне многоземельнѣе, тѣмъ болѣе бросившихъ хозяйство, такъ что въ самомъ многоземельномъ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ только 1,4% получили менѣе 5 десятинъ на душу бросившихъ землю 19,7% а безлошадныхъ 21%. — Недоимка податей по губерніи составляетъ 6,650.603 р. при годовомъ окладѣ въ 6,412.618 р. тогда какъ въ такихъ губерніяхъ какъ Костромская, Тверская, Владимірская недоимокъ отъ 100 до 250 тысячь р. а въ Ярославской нѣтъ вовсе.

«При болѣе высокихъ надѣлахъ, говоритъ авторъ, арендованіе земель переходитъ въ руки отдѣльныхъ съемщиковъ. Безлошадные дворы всего многочисленнѣе тамъ, гдѣ надѣлы всего крупнѣе. Тамъ же встрѣчается и наибольшее число крестьянъ бросившихъ хозяйство. Словомъ, всѣ стороны крестьянской жизни отражаютъ на себѣ одинъ и тотъ же фактъ. Обширные надѣлы нигдѣ не служатъ обезпеченіемъ уравнительнаго благосостоянія».

Бываютъ такія, кажущіяся на видъ либеральными, гуманными, ученія, которыя укоре-

няются въ странѣ, исповѣдываются какъ догматъ вѣры и крѣпко держатся не смотря на массу фактовъ, доказывающихъ ихъ губительное вліяніе. Такъ во Франціи уже безъ малаго 100 лѣтъ, какъ укоренилось убѣжденіе, что политическая свобода въ государствѣ можетъ быть дѣйствительно обезпечена только всеобщей подачей голосовъ, suffrage universel, и хотя Наполеонъ III на опытѣ доказалъ, что не только не смотря на suffrage universel, но именно благодаря ему и посредствомъ его, можно управлять Франціей съ большимъ произволомъ, чѣмъ любой азіатскій деспотъ—вѣра въ непогрѣшимость suffrage universel всетаки не поколебалась.—У насъ въ Россіи укрѣпилось другаго рода суевѣріе, мы увѣровали, что человѣкъ не имѣющій клочка земли на правѣ собственности или пользованія *пролетарій*, и слѣдовательно не обезпеченный, недовольный, опасный для государства гражданинъ. Къ этому присоединилось еще другое суевѣріе, что то общинное устройство относительно владѣнія или пользованія землей, которое фактически преобладаетъ между великороссійскими крестьянами есть исконное

оно естественно, само собою, выработалось жизнію, въ теченіи цѣлаго столѣтія изъ прикрѣпленія крестьянина къ землѣ. Понятно, что крестьянинъ лишенный единственной возможности сопротивленія, посредствомъ перехода на другую землю, все болѣе и болѣе подпадалъ подъ произволъ владѣльца земли и наконецъ фрактически сдѣлался его холопомъ, рабомъ. Первое признаніе этого, уже сложившагося факта, въ юридическомъ смыслѣ, относится къ началу XVIII вѣка, т. е. къ первой ревизіи при Петрѣ, которая уже писала крестьянъ за помѣщиками.

Вся реформа «Положенія» относилась исключительно до этого послѣдняго фазиса крѣпостнаго права, до личнаго рабства и хотя рабская зависимость отъ помѣщика и была уничтожена вовсе, но самое рабство, въ значительной степени всетаки уцѣлѣло и только перешло изъ рукъ помѣщика, къ толпѣ т. е. міру.

Такъ напр. помѣщикъ имѣлъ безсмысленное право, сослать крестьянина, не только безъ всякаго суда, но даже не формулируя, въ чемъ именно онъ его обвинялъ и за что подвергалъ

ссылкѣ — право это перешло къ обществу и продолжаетъ существовать и теперь. — Помѣщикъ имѣлъ право, за деньги, уволить богатое крестьянское семейство отъ рекрутской повинности, но такъ какъ поставить рекрута онъ всетаки былъ обязанъ, то въ сущности онъ бѣднаго крестьянина, продавалъ богатому.—Тоже право «брать денежные взносы въ мірскія суммы съ крестьянъ освобожденныхъ отъ рекрутской повинности самимъ обществомъ» предоставлено было ст. 199 Общ. Положенія волостному обществу. — Теперь это право упразднилось само собою, благодаря введенію общей воинской повинности, но важно то, что въ этихъ, какъ и другихъ случаяхъ, новый законъ не уничтожалъ рабства, а только изъ крестьянина раба помѣщичьяго, дѣлалъ раба общественнаго.

Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, реформа имѣла цѣлью уничтоженіе личной рабской зависимости крестьянина и въ значительной степени достигла ея, но другая сторона крѣпостнаго права, самый зародышъ, изъ котораго оно развилось, прикрѣпленіе къ землѣ, осталось почти не тронутымъ.—До 1861 года

крестьянинъ имѣлъ практически только одну возможность пріобрѣсти свободу—откупиться; т. е. купить у помѣщика за деньги право быть свободнымъ гражданиномъ. Послѣ «Положенія» осталось тоже; чтобы пріобрѣсти полную личную свободу, не быть крѣпкимъ ни землѣ, ни обществу, крестьянинъ долженъ былъ *выкупиться* у общества, при чемъ онъ покупалъ не свою часть надѣла землей, даже терялъ свое право на усадебный участокъ, который по ст. 110 Мѣстн. Положенія принадлежалъ не обществу какъ надѣлъ, а двору, т. е. семейству, на правѣ личномъ и наслѣдственномъ—а только личную свободу.—Вся разница состояла въ томъ, что размѣръ выкупа у помѣщика, опредѣлялся по соглашенію его съ крестьяниномъ, — тогда какъ размѣръ выкупа у общества, былъ опредѣленъ ст. 140 Мѣстн. Полож. которая говоритъ: «Если домохозяинъ желающій выдти изъ сельскаго общества, внесетъ въ особый мірской капиталъ сумму, равную капитализированному изъ 6 процентовъ оброку, слѣдующему по мірской раскладкѣ съ того домохозяина въ пользу помѣщика, то ни общество, ни помѣщикъ не могутъ

препятствовать выходу такого домохозяина изъ общества».

Другими словами, крестьянинъ долженъ былъ, не только отказаться отъ надѣла и усадебной земли, но и уплатить разомъ весь капиталъ, въ который они оцѣнены, и тогда нищимъ, могъ получить свободу;—но много ли крестьянъ достаточно богатыхъ, чтобы покупать свободу по такой цѣнѣ?

Вотъ это то несчастное прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ и обусловило необходимость третьяго и главнаго зла—безвыходнаго хозяйственнаго положенія и крестьянъ и землевладѣльцевъ. Съ одной стороны на крестьянъ, скученныхъ крѣпостнымъ правомъ въ деревни, возложена была неразрѣшимая экономическая задача: каждый, безъ всякаго соображенія, имѣетъ ли онъ желаніе, призваніе и способность быть именно земледѣльцемъ, сельскимъ хозяиномъ, потому только, что онъ крестьянинъ, получилъ надѣлъ въ размѣрѣ среднимъ числомъ около 3 десятинъ на душу, или вѣрнѣе, нѣсколько болѣе 10 десятинъ на дворъ, потому что хозяйственная единица у крестьянъ все-таки не душа, а дворъ. — Эти 10 десятинъ,

дворъ получаетъ при самыхъ худшихъ хозяйственныхъ условіяхъ, ибо во первыхъ, они раздроблены на безконечное число полосокъ или нивокъ, до 50 и болѣе, раскиданныхъ по всему пространству надѣла деревни и до такой степени узкихъ, что пахать и боронить, можно только вдоль и никогда поперекъ, а косить часто и вовсе не возможно, потому что естественный взмахъ косы, шире полосы, которую косятъ;—во вторыхъ, ни одинъ хозяинъ не увѣренъ въ томъ, что именно тѣ участки, которыми онъ пользуется сегодня, останутся за нимъ еще хоть годъ, а не перейдутъ къ другому.—Это разумѣется уничтожаетъ всякую охоту дѣлать какую бы то ни было затрату труда или средствъ на улучшенія, плодами которыхъ можетъ воспользоваться другой.—Изъ 10 десятинъ, которыми такимъ образомъ пользуется дворъ, надо откинуть по крайней мѣрѣ одну на усадьбу, выгонъ и проч., что все очень необходимо для крестьянина, но не приноситъ ему ничего; за тѣмъ остаются 9 десятинъ, которыя обыкновенно состоятъ изъ пашни, такъ что покосъ, безъ котораго всетаки обойтись нельзя, приходится покупать на сторонѣ. Изъ

этихъ 9 десят. пашни, 3, опять таки пустуютъ въ пару и даютъ развѣ только очень плохое пастбище скоту, до вывозки навоза, т. е. до половины іюня. Остаются шесть десят. т. е. 3 озимыхъ и 3 яровыхъ, доходъ съ которыхъ и долженъ покрыть всѣ нужды хозяина; но это совершенно не возможно. Г-нъ Энгельгардтъ говоритъ, что «крестьянскіе надѣлы неминуемо должны годъ отъ году утучняться и нѣтъ сомнѣнія, превратятся со временемъ въ тучные огороды» но вѣдь это совершенная не правда, что впрочемъ онъ и самъ подтверждаетъ говоря напр. и владѣльцы и *крестьяне* бѣгутъ отъ этой (богатой) земли, отъ этого хозяйства» (стр. 334) или «а теперь голь, бѣдность, хлѣба нѣтъ, скотъ кормить нечѣмъ, земли пустуютъ». (стр. 462.) Для того, чтобы въ такой губерніи, какъ напр. Смоленская, удобрить землю, конечно не до степени тучности огорода, но на столько, чтобы существующій 3-хъ польный сѣвооборотъ, при которомъ съ той же земли въ 3 года берутъ 2 зерновыхъ хлѣба, и при очень плохой обработкѣ, не истощалъ землю постоянно и быстро—надо имѣть на каждую десятину въ па-

ру, по крайней мѣрѣ 5 головъ крупнаго скота, а на 3 десят. т. е. на дворъ 15 головъ.— Но такихъ дворовъ, у которыхъ по 3 десят. въ полѣ, большинство, а такихъ у которыхъ не 15 а только 5 головъ скота, можно сосчитать по пальцамъ. — Результатъ этого тотъ, что урожаи у крестьянъ вообще плохи, если хлѣбъ родится самъ третей, то урожай считается хорошимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, это не покрываетъ стоимости обработки. — Предположимъ однако наилучшія условія, такія, какихъ въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ, а именно, что полныхъ неурожаевъ не бываетъ, что случайно хорошо родившійся хлѣбъ, не уничтожается еще на корню червемъ или градомъ, и что среднимъ счетомъ крестьянинъ, за исключеніемъ расходовъ на посѣвъ и обработку, выручаетъ съ каждой засѣянной десятины на 15 р. хлѣба.—Со всѣхъ 6 десят. дворъ получилъ бы такимъ образомъ 90 руб. изъ которыхъ прежде всего надо покрыть подати, которыя составляютъ рубл. 15 на душу т. е. 45 на дворъ, — остается еще 45 р. изъ которыхъ надо покрыть расходы по поддержкѣ и ремонту строеній и всего живаго

и мертваго инвентаря, по отопленію, освѣщенію, одеждѣ и по продовольствію 6 человѣкъ составляющихъ дворъ и всего скота.—Но на прокормленіе однимъ хлѣбомъ, въ теченіи года, 6 человѣкъ, надо около 80 пудовъ муки, что стоитъ въ полтора или два раза болѣе 45 р., а на содержаніе скота и на все остальное уже нѣтъ ничего.—Кромѣ того есть еще одинъ расходъ, размѣры котораго крестьянинъ никогда не можетъ ни предвидѣть, ни даже провѣрить; это взысканіе по круговой порукѣ.—Проворовался, или просто запутался въ счетахъ безграмотный староста или старшина, сгорѣла сосѣдняя деревня того же общества или былъ падежъ и т. п. и въ силу круговой поруки, крестьянину приходится платить 20, 30, 50% податей болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по раскладкѣ. — Не мудрено, что въ такихъ обстоятельствахъ вся семья нѣсколько мѣсяцевъ въ году ходитъ по міру и питается «кусочками» Христа ради.

Таково, съ одной стороны, печальное положеріе крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ надѣлу,— съ другой, положеніе землевладѣльцевъ ни чѣмъ не лучше; у нихъ есть земля, много зем-

ли и хорошаго качества, способной давать отличные урожаи, но разумѣется только въ томъ случаѣ, если она обработывается,—если же она лежитъ въ пустѣ, то какъ бы хороша она ни была, все-таки отъ нея ничего не можетъ быть кромѣ убытка.—Какъ же сдѣлать, чтобы земля приносила хоть малый доходъ?—Завести собственное хозяйство, но вѣдь это вообще возможно на очень ограниченномъ пространствѣ, на 2-хъ, 3-хъ, 5-ти стахъ десятинахъ, а ихъ нѣсколько тысячь. Если даже обработываемыя десятины и дадутъ доходъ, то разложенный на все имѣніе, онъ обращается въ убытокъ.—Кромѣ того, чтобы вести хозяйство самому, надо знаніе, опытность, любовь къ дѣлу; надо постоянно жить на этой землѣ, что у насъ сопряжено съ такими лишеніями и неудобствами. — Да сверхъ всего этого, нуженъ капиталъ, котораго у огромнаго большинства нѣтъ вовсе. Правда, есть поземельные банки, но вѣдь это отлично организованныя общества ростовщиковъ, цѣль которыхъ состоитъ въ возможно большей наживѣ, отъ потребности въ поземельномъ и земледѣльческомъ кредитѣ, а уже конечно не въ томъ,

чтобы доставить землѣ возможно дешевый кредитъ. Они даже, подъ прямымъ и открытымъ покровительствомъ правительства, съумѣли устроить между собой стачку, раздѣлили себѣ все Государство и не допускаютъ болѣе учрежденія никакихъ банковъ, не только тѣхъ, которые одни и могутъ быть полезны т. е. обществъ заемщиковъ, цѣль которыхъ доставить землѣ капиталъ какъ можно дешевле, но даже и такихъ, какъ они сами, обществъ капиталистовъ, стремящихся къ возможно большей наживѣ отъ земли, ибо даже конкуренція и этихъ могла бы удешевить кредитъ, что противно ихъ выгодамъ.

Сдавать земли крестьянамъ, а самимъ заниматься службой и другими панскими дѣлами;—такъ совѣтуетъ Г-нъ Энгельгардтъ, повторяя не одинъ разъ, что это будетъ «очень выгодно для помѣщиковъ». (стр. 334.) Къ сожалѣнію такъ теперь большей частью и дѣлается;—къ сожалѣнію не ради помѣщиковъ, имъ по дѣломъ, если они не умѣютъ справиться иначе,—но къ сожалѣнію ради страны, въ которой систематически истребляются средства

существованія будущихъ, ни въ чемъ не повинныхъ поколѣній.

«Крестьяне снявъ въ аренду новыя земли, распахиваютъ ихъ, засѣваютъ льномъ, хлѣбомъ, до тѣхъ поръ пока *не истощатъ* а затѣмъ *бросаютъ*». (стр. 486.)— «Мужики снимаютъ въ прекращающихъ хозяйство имѣніяхъ только облоги и пахатныя земли и *выпахиваютъ* ихъ *до истощенія*». (стр. 465.)— «Само собой разумѣется, что мужикъ, снявъ землю въ господскомъ имѣніи на годъ, на два, сѣетъ на ней ленъ, рожь, овесъ, безъ удобренія, выпахиваетъ, вытягиваетъ изъ нея все что можно.... иначе мужикъ съ *чужой* землей и поступить не можетъ». (стр. 479.)

Кажется нѣтъ нужды доказывать, что пользоваться землей такимъ образомъ, гораздо хуже, чѣмъ оставить ее лежать въ пустѣ; — это все равно, что срубить дерево, для того, чтобы достать съ него яблоко.— «Все это происходитъ оттого, говоритъ Г-нъ Энгельгардтъ, что *нови принадлежатъ однимъ лицамъ, а старыя земли другимъ.* Крестьяне не могутъ поступать такъ какъ я, потому что арендуемыя ими земли, *не ихъ земли,* даже не могутъ быть

ими взяты въ аренду на *долгій срокъ*, *) не могутъ быть присоединены ими къ своимъ надѣламъ, для *общей правильной, систематической* культуры, какой слѣдуя я. Естественно, что крестьяне истощаютъ арендуемыя, чужія земли и на ихъ счетъ удобряютъ, *скажу передобряютъ* свои надѣлы. Понятно, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока земли такъ или иначе не попадутъ въ руки крестьянъ». (стр. 486.) «Иначе мужикъ *съ чужой* землей и поступить не можетъ. Но если бы эта земля была его мужицкая, то онъ поступилъ бы съ ней такъ же какъ и я, сталъ бы ее удобрять, ввелъ бы многопольную систему съ посѣвомъ клевера **) и проч.» (стр. 479).

---

*) Не знаю, что значитъ тутъ «*долгій срокъ*». На основаніи Высоч. утвержд. мнѣнія Государств. Совѣта, приложеннаго къ Положенію 19-го февраля 1861 г. крестьяне, какъ и всѣ, могутъ арендовать земли на 36 лѣтъ; это почти вся человѣческая жизнь, если не считать дѣтство и дряхлость.

**) Это мѣсто любопытно сравнить съ слѣдующими словами на стр. 413: «Только агрономы—чиновники, да либералы не понимающіе сути дѣла, могутъ думать, что крестьянамъ слѣдуетъ измѣнить трехпольную систему и замѣнить ее многопольною съ травосѣяніемъ».—Къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ, принадлежитъ Г-нъ Энгельгардтъ?.

Объ *переудобреніи* крестьянскихъ надѣловъ, Г-нъ Энгельгардтъ говоритъ нѣсколько разъ и въ другихъ мѣстахъ и не какъ о явленіи рѣдкомъ и исключительномъ, а какъ о фактѣ общемъ.

И такъ вся бѣда въ томъ, что эта земля *чужая*, — будь она *мужицкая*, крестьяне перестали бы *переудобрять* свой надѣлъ, т. е. класть на него удобренія больше чѣмъ для земли полезно, бросили бы трехпольную систему и вмѣсто того стали бы уже не истощать, а удобрять и улучшать тѣ земли, которыя пока принадлежатъ помѣщикамъ и перешли бы къ 15 польной системѣ Г-на Энгельгардта.

Но какъ и чѣмъ крестьяне *переудобряютъ* свой надѣлъ?

Въ Смоленской губерніи они получили по $4^1/_2$ десятины на душу, а такъ какъ покосовъ и пастбищъ въ томъ числѣ почти нѣтъ, какъ удостовѣряетъ Г. Энгельгардтъ, то изъ нихъ приходится въ каждомъ полѣ значительно болѣе одной десятины на душу и трехъ на дворъ или семью.—Для того чтобы удобрить обыкновеннымъ навозомъ десятину старопахатной,

Смоленской, не черноземной земли, только *достаточно*, надо держать 5 головъ, крупнаго, хорошо кормленаго, скота, а на три десятины, т. е. на дворъ, ихъ надо 15 головъ. Для того, чтобы удобрить *отлично*, надо 8 головъ на десятину, или 24 на дворъ, а для того, чтобы *переудобрить*, надо еще больше.

Не ужели однако большинство крестьянъ той мѣстности, которую описалъ Г-нъ Энгельгардтъ содержитъ такое количество скота?— не ужели это тѣ самые, изъ которыхъ рѣдкій можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ, а большинство ходитъ въ «кусочки» и питается Христа ради?—не ужели эта та самая голь, у которой хлѣба нѣтъ и скотъ кормить не чѣмъ?—Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же они кормятъ такое количество скота? — вѣдь на каждую голову, не говоря уже о пастбищѣ, которое тоже надо покупать, необходимо запасти по меньшей мѣрѣ 50 пудовъ сѣна, а на 24 головы, при чемъ всетаки еще не будетъ *переудобренія*—1200 пудовъ. Если провозомъ и покупкой сѣно обходится не дороже 15 копѣекъ пудъ, то каждый дворъ на одно это, расходуетъ въ годъ 180 р. а вмѣстѣ съ

пастбищемъ болѣе 200 р.—пока самъ ходитъ собирать милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

Предположить, что крестьяне *перегудобряютъ* свой надѣлъ, не обыкновеннымъ скотскимъ навозомъ, а какими либо суррогатами, искусственными туками, я не осмѣливаюсь. — Г-нъ Аксаковъ, при содѣйствіи Г-на Шарапова, позволилъ себѣ высказать въ газетѣ «Русь» странную, но казалось бы довольно безвредную мысль, что крестьянамъ слѣдуетъ удобрять земли искусственными туками.—Но тутъ грянулъ громъ, правда не изъ тучи, а изъ Г-на Энгельгардта.—Въ качествѣ знатока, спеціалиста, навозныхъ дѣлъ мастера, онъ пришелъ въ крайнее негодованіе и удивленіе отъ такого *«нахальства и безстыдства этихъ недоучекъ»* (стр. 453.) которые «прочитавъ кое какія популярныя книжечки объ тукахъ, ничего не смысля ни въ наукѣ, ни въ хозяйствѣ, *тычятся* всюду съ этими туками самымъ *нахальнымъ* образомъ». (стр. 466.) «Я, восклицаетъ оскорбленный жрецъ науки, не только считаю себя въ правѣ, но и обязаннымъ разоблачить не-

доучекъ «Руси», которые только *пакостятъ науку*». (стр. 471.)

Не желая *пакостить* науку о навозѣ, и подобно Гг. Аксакову и Шарапову посягать въ этомъ отношеніи на исключительныя права Г-на Энгельгардта, и не имѣя съ другой стороны никакой разумной возможности допустить, чтобы голодающіе и нищенствующіе крестьяне держали дѣйствительно такое количество скота, какое необходимо, чтобы *переудобрять* болѣе десятины на душу, я могу только предположить, что *переудобреніе* крестьянскихъ надѣловъ существуетъ развѣ въ «счастливомъ уголкѣ», который въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, составляетъ исключеніе, что и даетъ ему право на такое названіе, но во всей остальной, не черноземной Россіи существуетъ несомнѣнно противоположный фактъ, а именно, что крестьяне имѣютъ и могутъ содержать вообще такъ мало скота, что удобряютъ свое паровое поле крайне недостаточно и вовсе не могутъ думать о томъ, чтобы удѣлить часть ихъ скуднаго запаса навоза, на другія не принадлежащія къ надѣлу земли. Кромѣ этой главной и вполнѣ

достаточной причины, есть еще другая: — у насъ крестьяне скучены въ деревняхъ; деревни въ 100—150 душъ не рѣдкость. Часто надо проѣхать 5, 7, 10 верстъ по надѣламъ разныхъ смежныхъ деревень, прежде чѣмъ доберешься до земли частнаго владѣльца, такъ что если крестьяне и возьмутъ пашню въ частномъ имѣніи, то обыкновенно она отстоитъ отъ ихъ селенія на такомъ разстояніи, что возить туда навозъ, если бы онъ и былъ, слишкомъ далеко, а потому и не выгодно.

Для меня, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что землевладѣльцамъ, особенно крупнымъ, нѣтъ другаго исхода, какъ сдавать свои земли въ арендное содержаніе, отдѣльными хуторами, на возможно долгій срокъ, лучшимъ хозяевамъ изъ крестьянъ, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы крестьянинъ арендующій землю, на ней поселился, со всей семьей и хозяйствомъ; только въ этомъ случаѣ онъ и можетъ хозяйничать на такой землѣ правильно и удобрять ее, а не истощать и бросать, какъ теперь. — Мѣшаютъ этому нормальному, и выгодному, для обѣихъ сторонъ, исходу — остатки крѣпостнаго права:

прикрѣпленіе крестьянина къ надѣлу, круговая порука и полная зависимость отъ общества. Когда крестьянину удастся избавиться отъ этого ярма, то безъ всякой помощи и наставленій интеллигентныхъ пролетаріевъ, онъ самъ найдетъ немедленно этотъ единственный и вѣрный исходъ изъ современнаго, всеобщаго нищенства.

V.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ общинномъ владѣніи и о необходимости введенія и общаго пользованія не только землей, но и всѣми ея продуктами т. е. полной коммуны.

Г. Ефименко въ помянутой уже мною статьѣ, хотя и признаетъ, что укоренившееся мнѣніе объ исконности общиннаго владѣнія есть миѳъ, какъ это доказываютъ несомнѣнные документы, но замѣчаетъ, что Г-нъ Чичеринъ ошибочно утверждаетъ будто общинное владѣніе введено у крестьянъ Правительствомъ и помѣщиками, что напротивъ, крестьяне ввели его сами, по собственному выбору. Мнѣ ка-

жется, что въ этомъ разногласіи правы оба: Г. Ефименко, съ формальной стороны, а Г. Чичеринъ, по существу дѣла.

Помѣщики и Правительство, которое относительно не помѣщичьихъ крестьянъ было тоже помѣщикомъ, только очень крупнымъ,— не имѣли ни какой нужды и расчета вводить у подвластныхъ имъ крестьянъ общинную форму пользованія землей. — Ихъ цѣль состояла исключительно въ томъ, чтобы обезпечить за собой, вѣрное, безъ недоимокъ полученіе тѣхъ податей, которыми они обложили своихъ крестьянъ, и это по возможности безъ хлопотъ и значительныхъ расходовъ по управленію.—Но достигнуть этого, пока помѣщикъ имѣлъ бы дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ, какъ плательщикомъ податей, было не только трудно, но и просто не возможно.—Это было доступно развѣ для тѣхъ не многихъ, мелкопомѣстныхъ, которые владѣя десятками душъ, сами постоянно жили между ними, лично знали каждаго и могли наблюдать за всякимъ.— Но какъ только помѣщикъ владѣлъ сотнями, тысячами, десятками тысячь душъ, обыкновенно разбросанными въ разныхъ губерніяхъ и

уѣздахъ, да при томъ самъ жилъ постоянно въ столицѣ, такъ уже не имѣлъ никакой возможности вести расчетъ съ каждымъ крестьяниномъ по уплатѣ податей и взыскивать недоимки съ неплательщиковъ. — Власть помѣщиковъ надъ крѣпостными была безобразна и почти не ограничена, но въ примѣненіи сводилась къ нулю. Онъ могъ ихъ наказывать тѣлесно, только «не увѣча», - но развѣ возможно примѣнить такую мѣру къ сотнямъ или даже тысячамъ недоимщиковъ, да если бы это и было возможно, то всетаки главная цѣль, полученіе недоимки, этимъ не достигалась бы. Онъ могъ не давать крестьянину паспорта, взять его во дворъ или отдать кому либо въ заработки, но вѣдь все это такія мѣры, которыя никакъ нельзя примѣнить къ значительному числу недоимщиковъ.—Онъ могъ крестьянина сослать на поселеніе или сдать въ рекруты,—но это значило на всегда лишиться этого человѣка, т. е. самаго источника дохода.—Онъ могъ наконецъ, по своему произволу, отнять у крестьянина что хотѣлъ изъ его имущества, но это значило разорить крестьянина, т. е. изъ случайнаго, временнаго не-

доимщика, сдѣлать вѣчнаго и неисправимаго.— До 1861 г. крестьяне, даже у самыхъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, не имѣли понятія о продажѣ скота и строеній за недоимки. что, съ тѣхъ поръ, дѣлается сплошь и рядомъ;—напротивъ, если вслѣдствіе какого либо несчастнаго случая, падежа или пожара, крестьяне лишались своего скота или строеній, то помѣщикъ помогалъ имъ своими средствами обзавестись вновь, и конечно не изъ человѣколюбія или гуманности, а просто изъ яснаго расчета.

Такимъ образомъ, при крѣпостномъ правѣ, помѣщику, а тѣмъ болѣе правительству, было выгодно и необходимо создать между собой и отдѣльнымъ плательщикомъ крестьяниномъ, что нибудь, что во первыхъ обезпечивало-бы полученіе податей безъ недоимокъ, а во вторыхъ избавляло бы помѣщика отъ необходимости преслѣдовать каждаго отдѣльнаго неплательщика. Это нѣчто и была *круговая порука*, которая, въ интересахъ помѣщика, очень удовлетворительно разрѣшала задачу. Во многихъ имѣніяхъ, оброкъ даже не исчислялся, по душамъ или по тягламъ, а опредѣлялся одной

общей суммой на всю вотчину; — сумму эту вотчина вносила помѣщику и распредѣляла ее внутри себя какъ знала и какъ хотѣла, безъ всякаго вмѣшательства съ его стороны;—но и тамъ гдѣ повинности опредѣлялись по числу душъ или тяголъ, это имѣло значеніе только какъ средство расчета, для опредѣленія итога всей повинности, которая за тѣмъ всетаки уплачивалась всей вотчиной. Такой порядокъ представлялъ большія удобства для помѣщика, не только тѣмъ, что устранялъ недоимки, но и тѣмъ, что дѣлалъ ненужными всѣ расходы по администраціи. Въ оброчныхъ имѣніяхъ никогда не бывало управляющихъ и прикащиковъ, а только старосты или бурмистры выбранные самими крестьянами изъ своей среды, обыкновенно вовсе не получавшіе жалованія, но избавлявшіеся отъ повинностей съ одного или двухъ тяголъ.

Но разъ, что на всю совокупность вотчины была навалена такая тяжелая обязанность, какъ круговая порука, необходимо было дать и соотвѣтствующія права, безъ которыхъ общество, вовсе не могло бы ея выполнить. Права эти состояли въ томъ, что помѣщикъ совер-

шенно устранялся отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло распредѣленія земли между отдѣльными домохозяевами и передавалъ это всецѣло въ распоряженіе общества, которое зная хорошо имущественную состоятельность и платежную способность каждаго изъ своей среды, руководствовалось исключительно этими соображеніями, при опредѣленіи участія каждаго въ пользованіи землей. Такимъ образомъ практически и устроилось у крестьянъ общинное владѣніе землей; оно, безъ сомнѣнія, устроено ими самими, но вовсе не потому, что этой формѣ, они отдавали преимущество передъ всякой другой, а потому, что при условіи существованія круговой поруки, инаго выбора не было. Никто до сихъ поръ не высказывалъ предположенія, что круговую поруку, крестьяне ввели у себя сами, по собственному, непринужденному желанію, такое предположеніе было бы противно здравому смыслу, ибо нигдѣ и никогда, люди добровольно не заводятъ у себя того, что для нихъ представляетъ только тягость и обузу, но несомнѣнно, что вездѣ и безъ всякаго исключенія эти два явленія, общинное владѣніе и круговая порука суще-

ствуютъ одновременно и одно безъ другаго не бываетъ никогда, — именно потому, что одно есть естественное, логическое послѣдствіе другаго.

Много было говорено и писано о массѣ несомнѣнныхъ преимуществъ общинной формы владѣнія передъ индивидуальной, но въ чемъ именно состоятъ эти преимущества, пока еще никѣмъ ясно не формулировано. Обыкновенно, въ общинномъ владѣніи видятъ сознаніе народомъ прирожденнаго права каждаго на пользованіе землей, но это рѣшительно не правда. Не только прежде, при крѣпостномъ правѣ, но и послѣ его уничтоженія, такого *права на надѣлъ*, никогда не существовало, ни по буквѣ и смыслу закона, ни на практикѣ. Въ «положеніи» есть нѣсколько статей, которыя даютъ крестьянину право, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, *отказаться* отъ надѣла, но нѣтъ ни единой, на основаніи которой крестьянинъ могъ бы *потребовать* отъ общества надѣлъ. Онъ не можетъ сказать міру: по уставной грамотѣ, наше общество получило надѣлъ по расчету 3-хъ десятинъ на душу, у меня въ семьѣ 5 душъ, или что еще убѣди-

тельнѣе, по послѣдней мірской разверсткѣ я плачу подати съ 5-ти душъ, а потому требую изъ мірской земли 15 десятинъ. Конечно, если-бы такое заявленіе было сдѣлано въ Смоленской, или другой такой губерніи, гдѣ землю на крестьянина *наваливаютъ*, гдѣ доходность душеваго надѣла, далеко ниже суммы душевыхъ податей, тамъ, разумѣется, такое требованіе было бы не только уважено, но ему предложили бы взять не 15, а 20, 30 десятинъ;—но въ черноземныхъ губерніяхъ это не такъ;—тамъ во многихъ мѣстахъ, съ 1861 года, не было ни одного передѣла, хотя въ 22 года составъ всѣхъ семействъ, совершенно измѣнился.

«Положительно можно сказать, говоритъ г. Энгельгардтъ, что деревня и общинное владѣніе землей, спасаетъ многихъ малоспособныхъ къ хозяйству, отъ окончательнаго разоренія» (стр. 312).

Если дѣйствительно это такъ, то общинное владѣніе имѣетъ несомнѣнно преимущества благотворительнаго учрежденія;—но какъ же именно оно спасаетъ малоспособныхъ? На этотъ вопросъ, мы находимъ у г. Энгельгардта и прямой отвѣтъ: «конечно, не всѣ мужи-

ки умны, есть между ними и идіоты, и дураки, и простофили неспособные вести хозяйство; но такъ какъ дураки при крестьянской обстановкѣ, неминуемо должны гибнуть отъ бѣдности, вслѣдствіе своей неспособности хозяйничать, то понятно, что встрѣтить въ деревнѣ, между крестьянами дурака, случается рѣдко» (стр. 211). И такъ, община *спасаетъ* малоспособныхъ отъ раззоренія тѣмъ, что она ихъ *неминуемо губитъ*. Логика, достойная г. Энгельгардта.

Впрочемъ объ общинѣ теперь существующей, самъ г. Энгельгардтъ имѣетъ не высокое мнѣніе: «крестьянская община, крестьянская артель,—это не пчелиный улей, въ которомъ каждая пчела, *не считаясь съ другой*, трудолюбиво работаетъ, по мѣрѣ своихъ силъ на пользу общую» (стр. 187). «Общедеревенское крестьянское хозяйство, въ настоящемъ его видѣ, тоже ничего хорошаго не представляетъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи жизнь деревни не придетъ ли къ царству кулаковъ?» (стр. 334).

Въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо приписываетъ нищенское положеніе крестьянъ именно ихъ общинному устройству и отсутствію надъ ними единоличной власти: «вотъ почему

въ одной изъ моихъ статей, я говорилъ про крестьянское хозяйство: хлѣба никогда не хватаетъ на прокормленіе, а чуть неурожайный годъ, крестьяне уже съ декабря начинаютъ покупать хлѣбъ. А между тѣмъ, дайте въ мои руки ту же землю, тотъ же трудъ, тоже количество скота—и въ нѣсколько лѣтъ, я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлѣба не только хватитъ на прокормленіе, но еще и продать будетъ что» (стр. 306). Что же однако хотѣлъ этимъ сказать г. Энгельгардтъ, вѣдь по его мнѣнію «будущность у насъ имѣетъ только общинное мужицкое хозяйство», (стр. 461) «помѣщичье хозяйство, grande culture, не имѣютъ у насъ смысла, не имѣютъ raison d'etre и суть только тормазы для развитія хозяйства страны» (стр. 471). Слѣдуетъ ли понимать это такъ, что хотя всякое частное хозяйство у насъ не имѣетъ смысла, это—нелѣпость и будущность имѣетъ только общинное мужицкое хозяйство, но и это послѣднее ведетъ только къ тому, что крестьяне имѣютъ хлѣбъ лишь до декабря, т. е. три мѣсяца въ году;—поправить же это возможно тѣмъ, что отдать все мужицкое общинное хозяйство,

землю, трудъ и скотъ въ руки г. Энгельгардта и тогда хлѣба будетъ хватать не только на весь годъ, но будетъ что и продать? Хотя я конечно не поручусь за то, что г. Энгельгардтъ не считаетъ себя единственнымъ въ Россіи хозяиномъ, который можетъ вести дѣло на столько лучше мужицкой общины, насколько послѣдняя ведетъ его лучше всѣхъ остальныхъ хозяевъ, способныхъ только «болтать землю»—но думаю всетаки, что онъ не рѣшился бы высказать это такъ наивно, про самаго себя. Мнѣ кажется, что въ этомъ мѣстѣ онъ только неосторожно обмолвился правдой, которая противорѣчитъ всей его книгѣ;—я не считаю его не только отличнымъ, единственнымъ въ Россіи хозяиномъ, но даже просто хорошимъ и знающимъ дѣло, какъ тысячи другихъ, а всетаки въ этомъ случаѣ, я съ нимъ согласенъ, что еслибы землю, трудъ и скотъ такой общины отдать въ руки ему, то хлѣба хватало бы не на три мѣсяца, а на весь годъ слишкомъ; и это просто потому, что никакое *хозяйство* не можетъ идти безъ *хозяина* и что даже г. Энгельгардтъ, въ качествѣ полновластнаго хозяина, всетаки лучше, чѣмъ совер-

шенное отсутствіе хозяина, какъ это есть въ «мужицкой общинѣ».

Но такъ какъ очевидно нѣтъ никакой возможности отдать въ руки одного г. Энгельгардта земли, трудъ и скотъ всѣхъ «мужицкихъ общинъ» въ Россіи, то для возможнаго поправленія дѣла онъ придумалъ другое средство, которое состоитъ въ томъ, чтобы изъ теперь существующихъ общинъ устроить полныя коммуны. «Поясню примѣромъ, говоритъ онъ, въ деревнѣ лежащей отъ меня въ полуверстѣ, съ бытомъ которой я познакомился до тонкости, находится 14 дворовъ. Въ этихъ 14 дворахъ ежедневно топится 14 печей, въ которыхъ 14 хозяекъ готовятъ, каждая для своего двора пищу. Какая громадная трата труда, пищевыхъ матерьяловъ, топлива и проч.! Если бы всѣ 14 дворовъ сообща пекли хлѣбъ и готовили пищу, то есть имѣли общую столовую, то достаточно было бы топить 2 печи и имѣть двухъ хозяекъ» (стр. 109).

Но тутъ г. Энгельгардтъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что въ нашемъ климатѣ, въ теченіи 7 или 8 мѣсяцевъ въ году, печи отапливаются не исключительно для приго-

товленія пищи, но также и для того, чтобы не замерзнуть въ нетопленной избѣ; и потому если ограничиться устройствомъ общей столовой, то это повело бы не къ сокращенію расходовъ, а, напротивъ, пришлось бы вмѣсто 14 печей отапливать 16. Надо было бы пойти далѣе и рядомъ съ общей столовой устроить и общее жилье или общую спальную для 14 семействъ. Тутъ дѣйствительно была бы экономія, такъ какъ не только можно было бы не топить прежнихъ 14 печей, но даже и совсѣмъ уничтожить 14 избъ, которыя были бы уже не нужны. Далѣе, при такомъ удобствѣ помѣщенія и при той «крайней простотѣ нравовъ» и половыхъ отношеній, которыя, по свидѣтельству г. Энгельгардта, существуютъ уже и теперь, оставалось бы сдѣлать менѣе одного шага, для того, чтобы перейти къ общности мужей и женъ, а слѣдовательно и приплода;—это послѣднее усовершенствованіе, кажется можно было бы признать *вѣнцомъ новаго зданія*;—новаго, впрочемъ, только для людей, ибо для животныхъ, все это существуетъ уже очень давно и всѣмъ извѣстно подъ названіемъ *скотныхъ дворовъ*.

«Нѣтъ никакого другаго исхода, какъ артельное хозяйство на общихъ земляхъ»! восклицаетъ Г-нъ Энгельгардтъ, «посмотрите гдѣ у насъ сохраняется хорошій скотъ — *въ монастыряхъ*, только въ монастыряхъ, гдѣ ведется общинное хозяйство». (стр. 335.) Эта ссылка на примѣръ общиннаго хозяйства монастырей очень любопытна и заслуживаетъ вниманія. Фактически она вѣрна;—теперь монастыри, не владѣя болѣе обширными вотчинами какъ прежде, не ведутъ уже и полнаго хозяйства, но несомнѣнно во первыхъ, что въ ту пору, когда недвижимыя имѣнія у нихъ еще не были отобраны, ихъ хозяйство могло считаться въ странѣ образцовымъ, и по прошествіи не многихъ лѣтъ, послѣ отобранія этихъ имѣній въ казну, правительство обращалось иногда къ тѣмъ же монастырямъ, съ порученіемъ принять вновь въ свое завѣдываніе эти имѣнія и возстановить въ нихъ быстро и совершенно разрушившійся хозяйственный порядокъ;—это можно подтвердить историческими документами.—Во вторыхъ и теперь, если монастырь можетъ вести и ведетъ какую нибудь отдѣльную отрасль хозяй-

ства напр. скотоводство, то она всегда въ отличномъ порядкѣ и можетъ назваться образцовой. — Но чѣмъ именно достигаютъ монастыри этихъ результатовъ?—Тѣми тремя условіями, которыя присущи всѣмъ монастырямъ, и безъ которыхъ они не могли бы вовсе существовать: 1) Безбрачіе, т. е. отсутствіе семьи, а слѣдовательно и всякихъ отдѣльныхъ интересовъ каждаго члена общины. 2) Обязанность каждаго монаха, не только каноническая, но и юридическая, не имѣть никакой личной собственности и 3) и главное, полное и совершенное отреченіе отъ всякой личной воли и слѣпое повиновеніе начальнику т. е. настоятелю, каковы бы ни были его приказанія.—Возможно ли все это въ общинѣ не духовной, не монастырѣ?—Первое условіе, безбрачіе монаховъ, казалось бы можно замѣнить той «невѣроятной простотой» половыхъ отношеній, которая будто бы существуетъ между крестьянами уже и теперь. Если развить это чисто стадное начало, то можно устранить бракъ, а слѣдовательно и семью, не замѣняя его воздержаніемъ монаха, и слѣдовательно, не только сохранить, но и облегчить и уве-

личить воспроизведеніе и умноженіе человѣческаго рода. — Не знаю въ какой мѣрѣ это могло бы имѣть успѣхъ, въ проектируемыхъ деревняхъ изъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, но смѣло скажу, что ничто подобное не возможно между крестьянами. Все то, что Г-нъ Энгельгардтъ расказываетъ о развратѣ крестьянъ есть сущая клевета, потому что онъ выдаетъ за правило то, что конечно встрѣчается, но только какъ исключеніе. Развратъ у крестьянъ существуетъ, какъ и вездѣ и проявляется въ болѣе простыхъ, пожалуй, болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ у интеллигентныхъ людей; — они разумѣется не имѣютъ случая «восхищаться Лядовой въ прекрасной Еленѣ, comme elle se gratte les hanches et les jambes» (стр. 42); конечно сторублевой бумажкой легче соблазнить бабу, чѣмъ петербургскую кокотку, но не правда, что «за деньги каждая баба продастъ сестру, даже дочь, а о самой и говорить нечего».—Второе условіе, совершенное отреченіе отъ всякой личной собственности, тоже не возможно, пока есть семья, есть свои дѣти, которые всетаки ближе къ сердцу чѣмъ чужіе. Наконецъ третье условіе: слѣпое безу-

словное повиновеніе начальнику, совершенное уничтоженіе собственной воли и иниціативы, условіе которое чуть ли не болѣе двухъ другихъ способствуетъ успѣху всякаго хозяйственнаго дѣла въ монастырѣ, всего менѣе возможно въ средѣ интеллигентныхъ пролетаріевъ.—У крестьянъ такая деспотическая власть существуетъ, не въ общинѣ, но иногда въ семьѣ. «Чѣмъ суровѣе старикъ, чѣмъ деспотичнѣе, чѣмъ нравственно сильнѣе, чѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется отъ міра, тѣмъ больше хозяйственнаго порядка во дворѣ, тѣмъ зажиточнѣе дворъ». (стр. 282.) — Вотъ тоже самое и въ монастырѣ, гдѣ значеніе такого старика и въ еще гораздо большей степени, имѣетъ настоятель;—но чѣмъ же его замѣнить въ общинѣ, особенно если она состоитъ изъ интеллигентовъ?

На пространствѣ всей православной Россіи, живутъ люди, непремѣнно русскіе, которые по самой задачѣ своей главной дѣятельности и по всей жизненной обстановкѣ, стоятъ всѣхъ ближе, съ одной стороны къ монастырямъ, а съ другой къ крестьянамъ;—это сельское духовенство, тѣ, кого Г-нъ Энгельгардтъ назы-

ваетъ «попами», замѣчая, съ свойственнымъ ему остроуміемъ что: «слово «попы» имѣетъ такое же значеніе, какъ слово «воронье — Воронъ, грачъ, ворона, галка, сорока, все это пернатое царство— «воронье». (стр. 39.) — «Я люблю бесѣдовать съ попами, говоритъ онъ, и нахожу для себя эти бесѣды полезными и поучительными. *) Во первыхъ, никто такъ хорошо не знаетъ бытъ простаго народа, во всѣхъ его тонкостяхъ, какъ попы; кто хочетъ узнать настоящимъ образомъ бытъ народа, его положеніе, обычаи, нравы, понятія, худыя и хорошія стороны, кто хочетъ узнать, что представляетъ это никому неизвѣстное, неразгаданное существо, которое называется мужикомъ, тотъ, не ограничиваясь собственнымъ наблюденіемъ, долженъ именно между попами искать необходимыхъ для него свѣдѣній; для данной же мѣстности, попы въ этомъ отношеніи неоцѣнимы, потому что въ своемъ приходѣ знаютъ до тонкости положеніе каждаго

*) Образецъ такой бесѣды съ «попомъ» желающіе могутъ найти на стр. 368, 369. она тоже очень поучительна, только не для Г. Энгельгардта, а для «попа».

крестьянина. Во вторыхъ, послѣ крестьянъ, никто такъ хорошо не знаетъ мѣстнаго практическаго хозяйства, какъ попы. Попы—наши лучшіе практическіе хозяева,—они даже выше крестьянъ стоятъ въ этомъ отношеніи и отъ нихъ то именно можно научиться практикѣ хозяйства въ данной мѣстности». (стр. 39 и 40).

Къ этому я прибавлю, что всѣ «попы», какъ и всѣ крестьяне, имѣютъ надѣлъ изъ той же самой земли, но при гораздо лучшихъ условіяхъ, во первыхъ потому, что надѣлъ просторнѣе; на каждую церковь онъ составляетъ указныхъ 36 десятинъ, а многія церкви имѣютъ значительно болѣе, иногда вдвое; во вторыхъ потому, что ни сами «попы» лично, ни состоящая у нихъ въ надѣлѣ церковная земля, не несутъ рѣшительно никакихъ податей и повинностей. Если дѣйствительно община есть самобытное, русское, народное учрежденіе, если въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, только она имѣетъ смыслъ и будущность, если «раздѣленіе земель на не большіе участки, для частнаго пользованія, размѣщеніе на этихъ участкахъ отдѣльныхъ земледѣльцевъ, живущихъ своими домками и обработывающихъ

каждый отдѣльно свой участокъ—есть безсмыслица въ хозяйственномъ отношеніи. Только «переведенные съ нѣмецкаго» агрономы могутъ защищать подобный способъ хозяйствованія особнякомъ на отдѣльныхъ кусочкахъ». (стр. 295) — то можно ли придумать лучшія условія для того, чтобы этотъ общинный строй установился, развился и упрочился, какъ тѣ, въ которыхъ находятся «попы». А вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что на всемъ пространствѣ Россіи не существуетъ и никогда не существовало примѣра общиннаго пользованія землей у «поповъ». Не знаю какъ и чѣмъ объяснитъ Г-нъ Энгельгардтъ тотъ удивительный фактъ, что «попы» наши лучшіе практическіе хозяева—избрали для хозяйства исключительно тотъ способъ, который «какъ безсмыслицу въ хозяйственномъ отношеніи, могутъ защищать только переведенные съ нѣмецкаго агрономы,—но я объясняю это тѣмъ, что „попы“, какъ семейные люди, уже по одному этому не могли ввести у себя той полной общины, которая существуетъ въ монастыряхъ, настоящей коммуны, которая тамъ называется «общежитіемъ» и которая не сов-

мѣстима съ семьей, а той формы общиннаго пользованія землей, какая существуетъ у крестьянъ, не ввели у себя именно потому, что они «наши лучшіе практическіе хозяева», и что извнѣ ихъ ничто къ тому не насиловало, какъ крестьянъ круговая порука.

Идеалъ, объ которомъ мечтаетъ Г-нъ Энгельгардтъ для русскихъ крестьянъ, это именно то монастырское общежитіе. та совершенная коммуна, съ общими столовыми, общимъ трудомъ, общимъ пользованіемъ не только землей, но и всѣми ея продуктами и всякимъ имуществомъ, то, что онъ называетъ *артельнымъ* хозяйствомъ;—и тутъ очень любопытно прослѣдить, какъ при нѣкоторой развязности и привычкѣ не стѣсняться истиной, мечты легко и свободно обращаются въ конкретные факты.

«Я не думаю, говоритъ онъ, чтобы можно было ожидать, что крестьяне скоро перейдутъ къ артельной обработкѣ своей надѣльной земли, потому что такое соединеніе людей уже раздѣлившихся и обзаведшихся домками, дѣло чрезвычайно трудное.—Не скоро еще могутъ дойти крестьяне до такого соглашенія, потому что для этого нужно, чтобы сильно поднялся

уровень ихъ образованія. Я увѣренъ, *что гораздо скорѣе можно расчитывать* на соединеніе крестьянъ для артельнаго арендованія и артельной обработки сторонних земель, напримѣръ, цѣлыхъ помѣщичьихъ имѣній, въ полномъ ихъ составѣ. Мы знаемъ, что крестьяне чрезвычайно легко соединяются въ артели для работъ на сторонѣ и устраиваютъ свои артельныя дѣла чрезвычайно практично.—Почему же бы они не могли соединяться для артельнаго арендованія цѣлыхъ имѣній, съ полнымъ хозяйствомъ т. е. постройками, скотомъ»?

Пока это только вопросъ, но тутъ какъ нельзя болѣе кстати, являются, какъ подтвержденіе, благопріятные слухи: «*слышно, что даже есть уже примѣры подобныхъ артельныхъ арендъ*».

Но Г-нъ Энгельгардтъ еще не вполнѣ довѣряетъ этимъ слухамъ и продолжаетъ мечтать о томъ, какъ именно *могли бы* осуществится такія артельныя аренды.

«Обработка такихъ арендованныхъ артелями имѣній *могла бы* производится на тѣхъ же началахъ, какія лежатъ теперь въ основаніи

рабочихъ артелей: сообща *производились бы* только такія работы, которыя иначе производить нельзя» и проч. и проч. (стр. 325).

Не успѣлъ однако Г-нъ Энгельгардтъ дописать цѣлую страницу, какъ мечты, слухи и предположенія уже воплотились и получили значеніе реальнаго факта, достовѣрно ему извѣстнаго:

«Я бы не сталъ и говорить объ этомъ предметѣ, если бы не видалъ попытокъ къ этому и не былъ убѣжденъ въ возможности осуществленія. *Есть много примѣровъ,* что крестьяне сообща, цѣлыми деревнями, арендуютъ помѣщичьи имѣнія и хутора». (стр. 326.)

Еще черезъ полстраницы оказывается уже, что это не *примѣры попытокъ,* а прочно установившееся дѣло, которое успѣло выработать *обычаи,* подробно извѣстные Г-ну Энгельгардту и какъ разъ совпадающіе съ тѣмъ, о чемъ онъ мечталъ двѣ страницы раньше.

«Наконецъ есть примѣры арендованія крестьянами имѣній въ полномъ составѣ. Деревня взяла въ аренду имѣніе съ постройками, скотомъ, за опредѣленную плату и ведетъ хозяйство самостоятельно. Для охраненія по-

строекъ, собранныхъ продуктовъ—зерна, сѣна и проч.—деревня нанимаетъ *сторонняго* человѣка, нѣчто въ родѣ старосты, на обязанности котораго лежитъ также присмотръ за работами, чтобы работа производилась каждымъ артельщикомъ добросовѣстно, а также присмотръ за скотникомъ.

Староста только смотритъ за исполненіемъ, а хозяйственныя распоряженія производятся съ общаго совѣта всѣхъ артельщиковъ, *) которые съ общаго согласія опредѣляютъ гдѣ, что, когда сѣять и проч. Замѣчательно, что этого старосту деревня не выбираетъ изъ своей среды, но нанимаетъ на сторонѣ, чтобы это дѣйствительно былъ сторонній человѣкъ, ничего общаго съ членами артели не имѣющій. Нанимаютъ старосту съ общаго согласія, послѣ тщательнаго обсужденія на сходкѣ: кто нибудь предлагаетъ нанять такого-то, другіе говорятъ свои мнѣнія о немъ, и обсудивъ,

*) Вѣроятно, такіе общіе совѣты собираются ежедневно, а иногда и нѣсколько разъ въ день, безъ этого не можетъ идти хозяйство; староста ничѣмъ распорядиться не можетъ, а всякая перемѣна погоды можетъ измѣнить сдѣланныя распоряженія.

рѣшаютъ сообща, конечно безъ баллотировки, нанять того или другаго. Скотника нанимаютъ такимъ же порядкомъ. Обработку земли въ арендованномъ имѣніи, крестьяне производятъ подобно тому, какъ и обработку круговъ т. е. каждый обработываетъ такое количество, *какое ему подъ силу*, часть работъ — возка навоза, молотьбы, покосъ—производится сообща, другія работы въ раздѣлъ; нечего говорить, что пропорціональное уравненіе работъ доведено до самой мелочной, щепетильной точности, и никто полагаю, не сдѣлаетъ лишняго пудофута работы противъ другихъ. Изъ добытыхъ продуктовъ, въ имѣніи оставляется вся солома и такое количество сѣна, какое необходимо для прокормленія скота; остальное сѣно дѣлится между артельщиками по числу косъ. Весь хлѣбъ молотится въ имѣніи; часть продается для уплаты аренды, а остальное дѣлится между артельщиками, по числу круговъ, которые каждый обработываетъ». (стр. 327.)

Вотъ до какихъ подробностей установились обычаи, при арендѣ цѣлыхъ имѣній въ полномъ составѣ, цѣлыми деревнями и все это до мелочи извѣстно Г-ну Энгельгардту—а вре-

мени на все понадобилось столько же, сколько и на, чтобы написать двѣ страницы.

«Конечно, замѣчаетъ онъ, такихъ, выражаясь по мужицки, *союзныхъ* деревень *мало*». (стр. 328) — Это совершенно противорѣчитъ тому, что сказано на стр. 326.

«Есть *много* примѣровъ, что крестьяне сообща цѣлыми деревнями арендуютъ помѣщичьи имѣнія и хутора»,—но всетаки даетъ надежды на будущее.—Много или мало такихъ примѣровъ, во всякомъ случаѣ, если они существуютъ не исключительно въ богатой фантазіи автора, то нельзя не пожалѣть, что онъ не потрудился назвать такія *союзныя* деревни по именно, и не указалъ, гдѣ именно онѣ находятся и какія имѣнія арендуютъ;—нашлись бы, быть можетъ, охотники провѣрить на мѣстѣ, не только достовѣрность самаго факта, но и подробности, тѣмъ болѣе интересныя, что пока, въ не черноземной Россіи, ничего подобнаго не видано.

Трудно было бы обрисовать болѣе рѣзкими чертами, болѣе яркими красками, чѣмъ это дѣлаетъ г. Энгельгардтъ, очевидное отвращеніе крестьянъ, особенно женщинъ, отъ всякаго

общаго дѣла, общаго труда, общаго имущества;—читатель самъ можетъ судить по слѣдующимъ выпискамъ:

«Итакъ пахать облогу нужно всѣмъ вмѣстѣ. Сговорились начать тогда-то. Выѣзжаютъ утромъ; шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ—проспалъ, выпивши вчера былъ, ебруя разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные — кому впередъ ѣхать?—споръ; наконецъ установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась — всѣ стоятъ. Наладилъ, пошли: у одного лошадь и сбруя лучше, другой самъ плохъ. Неудовольствіе» (стр. 180). «Деревнями брать (работу) не будутъ безъ особенной крайности, потому что крестьяне всѣми мѣрами избѣгаютъ такого дѣла, гдѣ нужно работать сообща и предпочитаютъ работать, хотя бы и дешевле, но въ одиночку, каждый самъ по себѣ» (стр. 193).

«Чтобы хорошо работать, каждый долженъ *работать на себя* (курсивъ въ подлинникѣ) по этому-то въ артели, если только есть возможность раздѣлить работу, ее дѣлятъ и каждый

работаетъ свою дольку, каждый получаетъ сколько заработалъ. Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ, при рытьѣ канавы, дѣлятъ ее на участки и каждый отдѣльно гонитъ свой участокъ» (стр. 255).

«Если во дворѣ нѣсколько бабъ невѣстокъ.... то и у себя на нивѣ, бабы одной семьи точно такъ же дѣлятъ ниву для того, чтобы одной не пришлось сработать болѣе чѣмъ другой.... такъ какъ каждая будетъ *бояться переработать*» (стр. 181).

«Тридцать бабъ, работая каждая на себя, въ извѣстное время, намнутъ, напр. 30 пудовъ льну, но тѣже 30 бабъ, въ тоже время, работая артелью и притомъ если обработка производится отъ десятины, намнутъ не болѣе 15 пудовъ» (стр. 181).

«Мнѣ, получая плату отъ пуда, баба намнетъ пудъ въ ночь, а хозяину намнетъ не болѣе 20 фунтовъ, а если во дворѣ окажется баба, которая не въ силахъ наминать болѣе 10 фунт., то и всѣ будутъ наминать по 10 фунт.» (стр. 194).

«Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раз-

дѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ; но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь и всѣ деньги идутъ дочери» (стр. 205).

«Всѣ внутреннія, бабьи, хозяйственныя работы, производятся въ раздѣлъ. Такъ вмѣсто того, чтобы поставить одну изъ бабъ хозяйкой, которая готовила бы кушанье и пекла хлѣбы, всѣ бабы бываютъ хозяйками по очереди и пекутъ хлѣбъ по недѣльно—одну недѣлю одна—другую другая; всѣ бабы ходятъ за водой и наблюдаютъ, чтобы которой нибудь не пришлось принести лишнее ведро воды, даже беременныхъ и только что родившихъ, молодую, еще не вошедшую въ силу дѣвку, дочь старшаго брата, заставляютъ приносить соотвѣтственное количество воды. Точно такъ же по очереди доятъ коровъ, каждая баба отдѣльно моетъ бѣлье своего мужа и дѣтей, каждая своему мужу даетъ отдѣльное полотенце вытереть руки передъ обѣдомъ, каждая моетъ *свою долю* стола, за которымъ обѣдаютъ» (стр. 283).

существовало общинное пользованіе землей, то это могло быть только послѣдствіемъ внѣшняго насилія и что разъ это насиліе устранено, или по крайней мѣрѣ ослаблено, – должны постепенно разрушиться и всѣ остатки общиннаго владѣнія или пользованія.

Но г. Энгельгардтъ никогда не стѣсняется логикой и потому онъ изъ этихъ, имъ самимъ приведенныхъ данныхъ дѣлаетъ прямо противоположные выводы: «Нѣтъ никакого другаго исхода, какъ артельное хозяйство на общихъ земляхъ!» (стр. 336).

«Все дѣло *въ союзѣ*. Вопросъ объ артельномъ хозяйствѣ, я считаю важнѣйшимъ вопросомъ нашего хозяйства. Каждый, кто любитъ Россію, для кого дорого ея развитіе, могущество, сила, долженъ работать въ этомъ направленіи. Это мое убѣжденіе, здѣсь въ деревнѣ, выросшее, окрѣпшее. Мало того, я, вѣря въ русскаго человѣка, убѣжденъ, что это такъ и будетъ, что мы, русскіе, именно совершимъ это великое дѣяніе, введемъ новые способы хозяйничанья. Въ этомъ то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства». (стр. 306).

Про такой выводъ изъ всего предъидущаго, можно по справедливости сказать словами Гейне, что это

Ein Mysterium, das nur
Von Demjen'gen wird verstanden,
Der entsprungen ist dem Kerker
Der Vernunft und ihren Banden.

VI.

Г-нъ Энгельгардтъ признаетъ, что для развитія въ Россіи земледѣлія, сельскохозяйственной промышленности, необходимо содѣйствіе интеллигенціи, просвѣщенныхъ людей;— но, по его мнѣнію, та интеллигенція, которая до сихъ поръ существовала въ русской деревнѣ, помѣщики, личные, частные землевладѣльцы—хозяева,—только вредны. Этихъ, онъ всѣми силами старается убѣдить, что и для страны и для нихъ самихъ всего лучше будетъ, если они вовсе кинутъ свои земли, сдадутъ ихъ крестьянамъ, а сами отправятся въ города «заниматься службой и другими панскими дѣлами».

Въ деревнѣ ему нужны совсѣмъ другіе интеллигенты;—тѣ, которые теперь «служатъ и киснутъ въ канцеляріяхъ». — «мужику нуженъ интеллигентъ—земледѣлецъ, самолично работающій землю. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей. — Россія — государство земледѣльческое, русскій народъ—земледѣлецъ, русскій интеллигентъ долженъ внести свѣтъ въ русское земледѣліе, а внести свѣтъ онъ можетъ только тогда, когда будетъ самъ работать на землѣ». (стр. 423.) «Я вѣрю, что наша молодая интеллигенція пойдетъ по этому пути, я живу этой вѣрой. Что можетъ быть ужаснѣе жизни въ отчужденіи отъ своего народа»? (стр. 422.) «Люди изъ интеллигентнаго класса, которые научившись сами работать, сядутъ на землю, образуютъ *деревни изъ интеллигентныхъ людей*, и будутъ *сообща* вести хозяйство, *сообща* работать землю, своимъ примѣромъ могутъ имѣть большое значеніе для крестьянскихъ деревень, ибо крестьяне понимаютъ, что работать сообща выгоднѣе. Но какъ это сдѣлать? — это должны показать интеллигентные люди на дѣлѣ». (стр. 411.) «Я убѣжденъ, что намъ болѣе всего нужны интел-

лигентные мужики, деревни изъ интеллигентныхъ людей, что отъ этого зависитъ наше будущее. Если бы ежегодно хоть 1000 человѣкъ молодыхъ людей изъ интеллигентнаго класса, получившихъ образованіе, вмѣсто того, чтобы идти въ чиновники, шли въ мужики, садились на землю, мы скоро достигли бы такихъ результатовъ, которые удивили бы міръ. Я вѣрю, что въ этомъ призваніе русской интеллигентной молодежи». (стр. 366.)

Итакъ задача, цѣль,—и лучшее средство ея достиженія, вполнѣ ясно и опредѣленно сознаны. Зачѣмъ же стало дѣло? зачѣмъ ограничиваться только проповѣдью на словахъ: faites comme je dis, mais ne faites pas comme je fais?—Зачѣмъ сваливать исполненіе этого патріотическаго «великаго дѣянія» на слѣдующее поколѣніе, на молодежь, почему бы самимъ, теперь же не перейти отъ словъ къ дѣлу?

Г-нъ Энгельгардтъ не одинъ разъ описалъ намъ съ большой подробностью, какъ онъ проводитъ день и что дѣлаетъ; мы знаемъ, какъ выпивъ водочки и поужинавъ, онъ ложится спать, утромъ встаетъ, куритъ, мечтаетъ, пьетъ

чай, принимаетъ доклады, ѣздитъ въ кабачки или за 15 верстъ на станцію, чтобы напиться пива, читаетъ газеты, прихлебывая пуншъ, и проч. и проч.—но ни разу, ни въ одномъ изъ такихъ описаній ему ни случилось сказать: утромъ съ разсвѣтомъ я взялъ косу и брусокъ и до обѣда скосилъ столько то, послѣ обѣда, запрегъ плугъ и пахалъ или возилъ навозъ и т. д. — Не знаю, по скромности ли только умолчалъ Г-нъ Энгельгардтъ объ этой сторонѣ своей дѣятельности или дѣйствительно за ѣздой въ кабачки, чтеніемъ газетъ, писаніемъ статей для Отечественныхъ Записокъ—уже не остается времени для того, чтобы пахать, косить, возить навозъ, молотить,—словомъ, работать землю своими руками, безъ чего интеллигентный человѣкъ въ деревнѣ, ни на что не годенъ.

«Моему сыну, говоритъ Г-нъ Энгельгардтъ, когда онъ войдетъ въ силу, окончитъ ученье и спроситъ меня: что дѣлать? — я укажу на пашущаго мужика и скажу: «вотъ что—иди и паши землю, заработывай собственными руками хлѣбъ свой. Если найдешь другаго, который пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, сое-

динись съ нимъ, потому что двое *работая вмѣстѣ сообща,* сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку; найдешь третьяго, еще того лучше». (стр. 269).

Какая прекрасная картина!—такъ и кажется, что видишь передъ собой древняго гражданина, котораго всѣ помыслы, всѣ душевныя и тѣлесныя силы устремлены на то, что, по его убѣжденію, должно составить величіе, могущество и силу отечества, — который и сыну завѣщаетъ только то, чѣмъ Россія должна удивить міръ!—Но позволительно думать, что впечатлѣніе произведенное на молодаго человѣка, было бы гораздо сильнѣе, если бы вмѣсто того, чтобы указывать на «пашущаго мужика» — отецъ могъ бы указать на самаго себя и сказать: «иди, паши землю, заработывай хлѣбъ своими руками, какъ это дѣлаю я»!

Кромѣ того въ молодомъ человѣкѣ, могутъ возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія и онъ могъ бы предложить такіе вопросы: «Если дѣйствительно, вы не имѣли для меня въ виду иной дѣятельности, какъ физическій трудъ, если я предназначался для того, чтобы пахать, моло-

тить, косить и возить навозъ, то зачѣмъ же вы отдали меня въ гимназію, гдѣ я пріобрѣлъ напр. знаніе латинскаго языка въ такой степени, что еще ребенкомъ писалъ своей сестрѣ латинскія письма, по случаю смерти дворовой собаки «Лыски» и при этомъ обнаружилъ такое знакомство съ древней литературой, что не «Савельичъ, отставной кондитеръ», но вы сами «отставной профессоръ» только тутъ узнали «что существовалъ когда-то Горацій». (стр. 170).

«Къ чему я употребилъ столько лѣтъ жизни, на пріобрѣтеніе такихъ знаній, которыя мнѣ при обработкѣ земли своими руками, ни на что не нужны, и напротивъ невознаградимо потерялъ эти года для изученія того механическаго дѣла, которое мнѣ предстоитъ и въ которомъ я уже никогда не могу сравняться съ *настоящимъ* мужикомъ, ибо вы сами признаете «что при добромъ желаніи сдѣлаться земледѣльцемъ, при неустанной работѣ, здоровый, сильный, ловкій, не глупый человѣкъ изъ интеллигентнаго класса можетъ въ *два года* пріобрѣсти качества *средняго* работника изъ мужиковъ,—но, разумѣется, чтобы сдѣлаться

магистромъ земледѣльцемъ, такимъ, какими бываютъ *настоящіе* мужики-земледѣльцы, нужно тоже лѣтъ тринадцать, нужно тоже учиться съ *малолѣтства*». (стр. 328—329).

Не лучше ли было бы, вмѣсто гимназіи, отдать меня еще съ малолѣтства на выучку такому *магистру-земледѣльцу*, который сдѣлалъ бы изъ меня уже не *средняго*, а *настоящаго* мужика-работника?—Да, и можно ли дѣйствительно доказать, что только обработывая землю своими руками, возможно быть хорошимъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ, что никакая другая работа, ни умственная, ни физическая, не можетъ идти въ сравненіе съ обработкой земли?—Во всякомъ случаѣ, трудно отрицать, что получать въ Петербургѣ 3000 р. жалованья, ѣздить въ каретахъ, питаться устрицами и шампанскимъ у Эрбера и Дюссо, восхищаться Лядовой въ «Прекрасной Еленѣ» —всетаки удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ пахать, молотить, возить навозъ и «имѣть баранинку иногда даже по буднямъ».

«Умри я—и все разрушится, говоритъ г-нъ Энгельгардтъ—если дѣти мои не перейдутъ къ *новой формѣ* хозяйства, не сдѣлаются сами

земледѣльцами не съумѣютъ создать *интеллигентную деревню* работающую на *артельномъ началѣ*». (стр. 335). «Человѣку такъ свойственно желать, чтобы дѣло рукъ его продолжалось; жалко подумать, что все должно разрушиться послѣ его смерти». (стр. 335).

Но къ чему же подвергать такое дѣло опасности разрушенія?—вѣдь, чтобы устранить такой печальный исходъ, стоитъ только, не откладывая до будущаго поколѣнія, самому теперь же перейти къ *новой формѣ* хозяйства, сдѣлаться *земледѣльцемъ* и создать изъ с. Батищева, *интеллигентную деревню*, работающую на *артельномъ началѣ*.

Я лично придерживаюсь совершенно иныхъ, отсталыхъ взглядовъ, но такъ какъ г-нъ Энгельгардтъ живетъ той вѣрой, что именно мы русскіе имѣемъ призваніе совершить это великое дѣяніе, введемъ новые способы хозяйничанья и удивимъ міръ его результатами,—то и я не могу не признать, что въ такомъ «великомъ дѣяніи» имѣющемъ уже не только государственное, но міровое значеніе, слѣдуетъ сдѣлать хоть первый опытъ, первый шагъ.—Къ сожалѣнію, я не имѣю чести быть

гласнымъ Смоленскаго губернскаго Земскаго Собранія, иначе я непремѣнно обратилъ бы его вниманіе на то, что на немъ лежитъ нравственная обязанность помочь осуществленію этого «великаго дѣянія». Случай къ тому есть прекрасный;—пока, чуть ли не единственный въ Россіи: въ Смоленской губерніи есть помѣщикъ А. Н. Энгельгардтъ, который въ силу установившагося у насъ стараго нѣмецкаго предразсудка, будто земля можетъ составлять частную, личную собственность, считается владѣльцемъ с. Батищева. Самъ онъ, какъ изобрѣтатель этой великой мысли, какъ человѣкъ, который любитъ Россію, для кого дорого ея развитіе, могущество, сила, только и живетъ вѣрой въ необходимость устройства интеллигентныхъ деревень и сокрушается при мысли, что въ случаѣ его смерти, дѣти его не съумѣютъ осуществить этого, и потому разумѣется онъ вполнѣ готовъ обратить с. Батищево въ интеллигентную деревню, т. е. передать его въ собственность артели изъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, которые будутъ работать сообща, сами, своими руками, вмѣстѣ съ нимъ и удивятъ очень скоро міръ, результатами этой но-

вой формы хозяйства. Земство могло бы не только взять подъ свое покровительство это патріотическое дѣло, но и принять на свой счетъ всѣ расходы по совершенію крѣпостнаго акта при переходѣ с. Батищева въ собственность артели, такъ какъ можно предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, что у пролетаріевъ не окажется на то собственныхъ наличныхъ средствъ.—Другихъ препятствій къ осуществленію «великаго дѣянія» кажется предвидѣть нельзя;—недостатка въ интеллигентныхъ пролетаріяхъ быть не можетъ, такъ какъ «имъ нѣсть числа». Едва ли можно ожидать какихъ либо серьезныхъ помѣхъ со стороны выглядывающихъ изъ за кустовъ кепокъ или возбуждающихъ къ пьянству колокольчиковъ становыхъ,—но если бы это случилось, то я увѣренъ, что Земству стоитъ только обратиться къ просвѣщенному содѣйствію г. Губернатора или даже г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и излишнее усердіе кепокъ и колокольчиковъ будетъ немедленно укрощено и обуздано.

Быть можетъ, со временемъ, когда этотъ опытъ новой формы хозяйства удивитъ міръ своими результатами, и я обращусь въ вѣру

г-на Энгельгардта—но теперь пока я рѣшительно не могу вдуматься въ то положеніе, въ которомъ очутилась бы Россія, если бы дѣйствительно такая «система» осуществилась во всемъ государствѣ.

Частныхъ хозяйствъ, не было бы вовсе никакихъ, даже хозяйство самаго г-на Энгельгардта не имѣетъ будущности: «Я достигъ, говоритъ онъ, въ своемъ хозяйствѣ, можно сказать, блестящихъ результатовъ;—но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Будущее принадлежитъ хозяйствамъ тѣхъ людей, которые будутъ *сами обработывать* свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, но *сообща*. И далѣе я говорю: когда люди, обработывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля и все хозяйство *неминуемо* перейдутъ въ ихъ руки. И додумаются». (стр. 306, 307).

Пока еще додумался до этого только г-нъ Энгельгардтъ, дѣло обстоитъ такъ: Россія не только сама питается своимъ хлѣбомъ и мясомъ, но и продаетъ Европѣ болѣе 30 мил. четвертей хлѣба ежегодно и значительное ко-

личество мяса, всего болѣе чѣмъ на 200 мил.— Производятъ все это, а также и то, что потребляется внутри страны людьми не обрабатывающими землю, а такихъ около половины всего населенія — исключительно *паны*.

«Конечно, говоритъ г-нъ Энгельгардтъ, мужики хлѣба не продавали, у мужика не только нѣтъ лишняго хлѣба на продажу, но и для себя не хватитъ, а если у кого изъ богачей и есть излишекъ, такъ и онъ притулится, ждетъ что будетъ дальше. Хлѣбъ продавали паны, деньги получали паны». (стр. 389.)

Мяса мужики тоже не продавали, да и не могутъ продавать:

«Я утверждаю, говоритъ Г-нъ Энгельгардтъ, что человѣкъ, который будетъ *собственными руками* обработывать землю, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ — предполагая, что земли у него столько, *сколько онъ можетъ обработать*, предполагая, что онъ не платитъ никакихъ податей — *не можетъ наработать столько*, не можетъ своимъ собственнымъ трудомъ прокормить столько скота, *чтобы онъ и его семейство, имѣли ежедневно вдоволь мяса*. Не можетъ»! (стр. 266.) «Но, спросятъ можетъ

быть нѣкоторые; неужели же, имѣя столько земли, сколько можно обработать, и работая такъ какъ работаетъ мужикъ,—неужели нельзя заработать столько, чтобы ежедневно имѣть вдоволь мяса для себя, жены, дѣтей, стариковъ? *Нѣтъ*, нельзя имѣть достаточно своего мяса, то есть мяса, произведеннаго собственнымъ трудомъ. — Хорошо, если выработаешь столько, чтобы дѣти, старики, больные, всегда имѣли достаточно мяса, молока, бульона»! (стр. 269).

Но когда люди додумаются до того, до чего додумался Г-нъ Энгельгардтъ, то прежде всего «пановъ» не будетъ вовсе, или по крайней мѣрѣ, у нихъ не будетъ ни земли, ни хозяйства, ибо все это «неминуемо» перейдетъ въ руки тѣхъ, кто сами своими руками и сообща будутъ обрабатывать землю. — Это будутъ тѣ же «мужики», къ нимъ, правда, присоединятся интеллигентные пролетаріи, но по расчету Г-на Энгельгардта ихъ будетъ садится на землю, человѣкъ 1000 въ годъ, такъ что къ той порѣ, когда Россія будетъ праздновать окончаніе втораго тысячелѣтія своего существованія, ихъ наберется уже довольно

замѣтное число, но на первые два, три столѣтія, они конечно не могутъ имѣть никакого значенія въ численномъ отношеніи.—Польза, которую они принесутъ будетъ нравственная, ибо изъ канцелярій, гдѣ они до тѣхъ поръ «кисли», они пересядутъ на землю, въ теченіи двухъ лѣтъ станутъ обучаться хозяйству у мужиковъ, при чемъ, въ лучшемъ случаѣ, достигнутъ степени не хорошихъ, а *среднихъ* работниковъ и тогда, въ свою очередь станутъ обучать мужиковъ, этихъ «магистровъ земледѣлія», ихъ вчерашнихъ учителей, новымъ, улучшеннымъ, коммунистическимъ, формамъ хозяйства.

Практическая польза отъ всего этого, будетъ та, что станетъ невозможно то безобразіе, которое существуетъ теперь: «Пшеницу, хорошую, чистую рожь мы отправляемъ за границу къ нѣмцамъ, которые не станутъ ѣсть всякую дрянь», (стр. 392.) «когда нашимъ дѣтямъ, нѣтъ бѣлаго хлѣба даже въ соску»! (стр. 395).

Правительство же до такой степени не понимаетъ своихъ обязанностей, что вмѣсто того, чтобы позаботится о дѣтскихъ соскахъ и воспретить для этого продажу нѣмцу нашей

пшеницы, «а они объ путяхъ сообщенія, объ удобствахъ доставки хлѣба къ портамъ толкуютъ». (стр. 390).

«Не понимаетъ мужикъ ничего въ финансахъ, но всетаки должно быть чуетъ, что ему, пожалуй, не было бы убытковъ, еслибъ хлѣбушка не позволяли къ нѣмцу увозить, да на вино пережигать». (стр. 391.)

Тогда, все это устроится какъ нельзя лучше, даже не смотря на безпечность Правительства;—не будетъ уже надобности «не позволять увозить хлѣбушка къ нѣмцу»;—продавали его «паны», а вѣдь ихъ не будетъ. «Настоящій земельный мужикъ — хозяинъ, хлѣба не продастъ, хотя бы у него былъ избытокъ». (стр. 386.)

Но вѣдь однако нѣмецъ получалъ нашу пшеницу не даромъ, онъ платилъ за нее золотомъ, безъ котораго намъ всетаки обойтись нельзя, ибо хотя «мужикъ думаетъ, что денегъ можно надѣлать сколько угодно», (стр. 391)—но, къ сожалѣнію, нѣмецъ до этого не додумался и пожалуй, вмѣсто пшеницы или золота, не захочетъ взять въ уплату процентовъ

по нашимъ долгамъ, тѣхъ денегъ, которыхъ можно надѣлать сколько угодно.

Да и помимо нѣмца и нужды въ золотѣ, которымъ онъ расплачивался за нашъ хлѣбъ, чѣмъ же будетъ питаться цѣлая половина Россіи?—земля вся будетъ у мужика, да у интеллигентнаго пролетарія, но и вмѣстѣ они составятъ всетаки не много болѣе половины всего населенія; продавать хлѣба они не станутъ, даже коли будетъ излишекъ, не только «нѣмцу», но и вообще никому, а мяса они даже и для себя не могутъ произвести достаточно.—Для остальной части населенія, и въ томъ числѣ для всей арміи, хлѣбъ и мясо надо будетъ покупать у «нѣмца», или какъ вѣрно замѣчаетъ Г-нъ Энгельгардтъ «придется у нѣмца въ долгъ брать. Купить то вѣдь не на что». (стр. 389.)

«Тогда мы быть можетъ будемъ конкурировать съ Американцами». стр. 423.)

Но теперь «гдѣ же намъ конкурировать съ Американцами! — У Американца и *на счетъ земли свободно,* и самому ему вольно, дѣлай что знаешь въ хозяйствѣ. Ни надъ нимъ земскаго предсѣдателя. ни исправника, ни непремѣннаго, ни урядника, никто не начальствуетъ,

никто не приказываетъ когда и что сѣять, какъ пить, ѣсть, спать, одѣваться, а у насъ на счетъ всего положеніе. Нашелъ ты удобнымъ, по хозяйству, носить русскую рубаху и полушубокъ—нельзя, ибо по положенію тебѣ слѣдуетъ во фракѣ ходить. Задумалъ ты самъ работать—смотришь, анъ на тебя изъ за куста кепка глядитъ». (стр. 390.)

Не знаю какимъ образомъ «тогда», т. е. когда мы станемъ покупать или занимать у нѣмца хлѣбъ и мясо — мы будемъ конкурировать съ Американцемъ, который всякій годъ все болѣе продаетъ того и другаго, — но относительно настоящаго, я рѣшительно утверждаю, что въ теченіи 25 лѣтъ, что я занимаюсь хозяйствомъ, и почти постоянно живу въ деревнѣ, я даже не подозрѣвалъ, что существуетъ положеніе о томъ какъ пить, *) ѣсть, спать, одѣваться;—никто, никогда не заставлялъ меня носить въ деревнѣ — фракъ;—даже, судя по письмамъ Г-на Энгельгардта, я думаю, что если *положеніе о фракѣ* и существуетъ въ

*) А какъ именно слѣдуетъ пить по положенію: хлопъ рюмку, или прямо изъ горлышка?

Смоленской губерніи, то оно не исполняется, ибо собственный его фракъ «лежалъ не распакованнымъ со времени его пріѣзда въ деревню, заплесневѣлъ, слежался и такъ измялся, что какъ Савельичъ его ни чистилъ, расправить не могъ». (стр. 118.) — вынутъ же онъ былъ, не по приказанію исправника или урядника, но потому что самъ Г-нъ Энгельгардтъ счелъ необходимымъ имъ запастись, чтобы «мерсикать ножкой» передъ Губернаторомъ, во время сельскохозяйственной выставки.—Но всего любопытнѣе было бы знать, что значитъ: *«у Американца на счетъ земли свободно»*? въ чемъ собственно состоитъ эта свобода?—Конечно, не въ томъ, чтобы по закону, или по убѣжденію большинства признавалось *«что земля можетъ быть только общинной собственностью»*, (стр. 297.)—Извѣстно, что право личной, частной собственности на землю, нигдѣ не уважается и не охраняется болѣе и нигдѣ такъ не распространено, какъ въ Америкѣ, и уже конечно не у насъ.—Когда въ Америкѣ былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи негровъ отъ рабства, т. е. объ уничтоженіи крѣпостнаго права и южные шта-

ты этому воспротивились, то во имя *свободы человѣка,* сѣверные, рѣшились на такую междоусобную войну съ Югомъ, какой не бывало еще нигдѣ ни прежде, ни послѣ;—но никому въ Америкѣ не пришло въ голову, даже въ качествѣ военной мѣры, для усмиренія возстанія, взять у плантаторовъ землю и надѣлить ею освобожденныхъ негровъ. — Можно даже смѣло сказать, что если бы такая мысль возникла и грозила осуществиться, то сѣверъ, не менѣе чѣмъ югъ, былъ бы готовъ вести опять войну, чтобы этого не допустить.

Значитъ ли это то, что въ Америкѣ, на крайнемъ западѣ еще есть такія сводобныя, вѣрнѣе дикія земли, которыя не принадлежатъ никому, которыя всякій можетъ занять даромъ, на единственномъ условіи ихъ обработать?— но во первыхъ, не эта часть Америки конкурируетъ съ нами такъ успѣшно въ продажѣ хлѣба, мяса и проч. а во вторыхъ, у насъ такихъ свободныхъ или дикихъ земель еще болѣе, чѣмъ тамъ; — только не на крайнемъ западѣ, а на крайнемъ востокѣ. И теперь всякій можетъ получить даромъ землю на Амурѣ, въ Усурійскомъ краѣ, въ Ферганской области

и другихъ мѣстахъ, если только онъ желаетъ ее обработать.

Кажется эта фраза: въ Америкѣ *на счетъ земли свободно*—просто наборъ словъ, безъ всякаго смысла и содержанія.

Въ заключеніе этого уже и такъ слишкомъ длиннаго разбора «писемъ изъ деревни» сдѣлаю еще два замѣчанія; — первое относится къ сельскохозяйственной премудрости Г-на Энгельгардта.

На стр. 467. обращаясь къ Г-ну Аксакову, онъ говоритъ: «Если бы вы только могли знать, какъ смѣшны, чтобы не сказать больше, ваши химическія и агрономическія разсужденія въ «Руси» произнесенныя при томъ, такимъ аррогантнымъ тономъ»!

Я никогда не подозрѣвалъ, что Г-нъ Аксаковъ имѣетъ претензію быть химикомъ и агрономомъ и его аррогантныхъ статей по этой части не читалъ уже потому, что, какъ мнѣ кажется, человѣческая жизнь слишкомъ коротка, чтобы её на это тратить, но позволяю себѣ думать, что, по хозяйственной части, онъ не

могъ написать ничего смѣшнѣе, чтобъ не сказать больше, наивнѣе обнаружить свое незнаніе того о чемъ говоритъ, даже не умѣніе называть вещи ихъ настоящими именами, чѣмъ Г-нъ Энгельгардтъ напр. въ слѣдующихъ словахъ:

«Я знаю одного дурачка отъ рожденія, который не можетъ научиться рубить дрова. Пойдетъ, когда пошлютъ, а иногда и самъ задумаетъ, рубитъ, но какъ? Иногда и хорошо рубитъ, но большею частью ни какъ не можетъ *разрубать трехаршинное бревно*—на три ровныя полѣна: то отрубитъ полѣно въ поларшина, то въ три вершка, то въ два аршина—всѣ дрова перепортитъ». (стр. 310.)

По русски, не гдѣ нибудь въ одной мѣстности, но на пространствѣ всей Россіи, *бревномъ*, называется только *строевое дерево*, и именно отъ 6 до 12 аршинъ длины;—что длиннѣе называется *балкой*, а что короче *столбомъ*. Обыкновенно, бревенъ не рѣжутъ на дрова, потому что это не выгодно, но если бы пришлось рѣзать трех-аршинныя бревна на дрова, то не иначе какъ на *швырокъ*, т. е. трех-четвертные, а не аршинные и слѣдовательно такое

бревно пришлось бы рѣзать не на три, а на четыре равныя части. *Рубить бревно*, слѣдовательно *топоромъ*, можетъ развѣ только дурачекъ отъ рожденія,—это почти тоже, что разрѣзать его столовымъ ножемъ.—Бревно, можно только *распилить* и тогда уже каждую часть, топоромъ, не *рубить*, а *колоть* на дрова, т. е. не *поперекъ*, а *вдоль*. Рубить можно только хворостъ, или такъ называемую *угольницу* т. е. тотъ же хворостъ, но болѣе крупный, изъ котораго обыкновенно жгутъ уголь, но всетаки *круглякъ*, на столько тонкій, что пилить его не стоитъ, а колоть нельзя. Но въ такомъ матерьялѣ, можетъ быть прутъ, сучекъ, хворостина, самое большое слега, но не можетъ быть бревенъ.

Или напр. на стр. 477, онъ перечисляетъ поля *введеннаго* у него 15-ти польнаго сѣвооборота. Но не только хозяинъ, а всякій, кто знаетъ что такое сѣвооборотъ и умѣетъ считать до 15-ти включительно, пойметъ, что говорить о *введенномъ* 15-ти польномъ сѣвооборотѣ, можно не прежде, какъ по прошествіи по крайней мѣрѣ 15-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ его начали вводить, но на 11-мъ году

хозяйства, можетъ быть рѣчь развѣ только о 15 польномъ сѣвооборотѣ, который я *ввожу* или *намѣренъ ввести*. Самый сѣвооборотъ сочиненъ очевидно человѣкомъ не имѣющимъ понятія о дѣлѣ;—въ немъ три пара, три озимыхъ и три яровыхъ поля; Г-нъ Энгельгардтъ забылъ сказать главное, а именно всѣ ли три пара удобряются и въ одинаковой ли степени,—если да, что вѣроятно, такъ какъ послѣ каждаго пара слѣдуетъ рожь, то это тотъ же обыкновенный, крестьянскій, очень истощительный 3-хъ польный сѣвооборотъ, повторяющійся три раза, но къ нему пристегнутъ одинъ посѣвъ травы, на 6 лѣтъ, что вовсе не хозяйственно.—Въ первый годъ, отъ такого посѣва можетъ быть хорошій покосъ, преимущественно клевера, на второй тоже хорошій укосъ, но преимущественно тимоѳеевки, на третій хорошаго покоса уже нѣтъ, но будетъ очень хорошее пастбище, а на четвертый и тѣмъ болѣе на пятый и на шестой, этого уже нельзя назвать искусственнымъ лугомъ, это будетъ просто полевая залежь или облогъ, на которомъ ни клевера, ни тимоѳеевки почти нѣтъ, а преобладаютъ тѣ сорныя травы, которыя

можно найти на любомъ крестьянскомъ пару. Если изъ 15 полей, отводить 6 подъ траву, то слѣдуетъ ее сѣять не одинъ разъ на 6 лѣтъ, а два раза на три года. Одна изъ главныхъ выгодъ травосѣянія состоитъ въ томъ, что расходъ на него ограничивается стоимостью сѣмянъ, а расходовъ на обработку земли нѣтъ вовсе, ибо трава сѣется по зерновому хлѣбу, для котораго земля уже обработана; — такимъ образомъ, если бы Г-нъ Энгельгардтъ сѣялъ траву два раза, расходъ увеличился бы очень незначительно, стоимостью сѣмянъ, т. е. 7 или 8 р. на десятину посѣва, а доходъ тѣмъ, что вмѣсто двухъ хорошихъ укосовъ, одного хорошаго и трехъ очень плохихъ пастбищъ, онъ имѣлъ бы четыре хорошихъ укоса и два хорошихъ пастбища.

Мораль этого, какъ мнѣ кажется, состоитъ во первыхъ въ томъ, что дѣйствительно, какъ говоритъ Евангельская притча, гораздо легче, не только усмотрѣть, но даже изъять сучецъ изъ глаза ближняго, чѣмъ только замѣтить *бревно* въ своемъ собственномъ, и во вторыхъ, что для того, чтобы сдѣлаться хозяиномъ, такъ же не достаточно, надѣть полушубокъ и са-

поги сверхъ панталонъ, какъ недостаточно набрать въ ротъ камушковъ, чтобы сдѣлаться Демосѳеномъ.

Второе замѣчаніе относится къ стр. 44 гдѣ сказано:

«Удивительно это хорошая вещь новое судопроизводство. Главное дѣло хорошо, что скоро. Годъ, два, человѣкъ сидитъ, пока идетъ слѣдствіе и составляется обвинительный актъ, а потомъ вдругъ судъ и въ одинъ день все кончено. Обвинили: пошелъ опять въ тюрьму,—теперь уже это будетъ наказаніе, а что прежде отсидѣлъ, то не было наказаніе, а только мѣра для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія. Оправдали—ты свободенъ, живи гдѣ хочешь, разумѣется, если начальство позволитъ. Отлично».

Это очевидно хотѣло быть остроумной и ѣдкой ироніей. Она относится, конечно, не къ тому, что судъ производится слишкомъ скоро «вдругъ, въ одинъ день»,—но къ тому, что слѣдствіе производится слишкомъ долго: годъ или два;—а главное къ тому, что во время слѣдствія, обвиняемый, который можетъ оказаться не виновнымъ, сидитъ въ тюрьмѣ.

Почему однако эта насмѣшка обращен именно къ нашему новому судопроизводству?— можетъ ли Г-нъ Энгельгардтъ указать како либо новое или старое судопроизводство, к которому этотъ упрекъ не относился бы в той же мѣрѣ? — или знаетъ онъ какое либ средство устранить это зло? — если да, — т вмѣсто того, чтобы глумиться, ему слѣдовал бы указать на него и онъ заслужилъ бы им благодѣтеля человѣчества. — Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ, гдѣ бы то ни было, пра вильный судъ, всѣ и всегда сознавали очен ясно, несправедливость подвергать тюремно му заключенію людей, которые быть можетъ совершенно невинны, — но никто и никогда не умѣлъ придумать средства, устранить эт очевидное зло.—Дѣло въ томъ, что до той ми нуты, когда судъ произнесетъ окончательный приговоръ, всѣ подсудимые равны, нѣтъ ни виновныхъ ни невинныхъ, а есть только об виняемые; какая бы мѣра къ нимъ ни была примѣнена, она должна быть одна и таже для всѣхъ.—Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство подсудимыхъ, дѣйствительно преступники, которые по суду такими и будутъ

признаны. — Если бы напр. принять за правило, что предварительному тюремному заключенію не слѣдуетъ подвергать никого изъ подсудимыхъ, то это было бы равносильно совершенному уничтоженію уголовнаго суда, ибо добровольно подвергались бы ему только тѣ, кто имѣетъ полное, внутреннее сознаніе своей невинности, и на оборотъ всѣ тѣ, кто сознаетъ себя преступникомъ, воспользовались бы этимъ, не только чтобы избѣжать суда и наказанія, но и для того, чтобы совершить новыя преступленія, безнаказанность которыхъ была бы обезпечена.—Допустить это, въ сколько нибудь благоустроенномъ обществѣ, которое въ убійствѣ, грабежѣ, воровствѣ и проч. видитъ не только «случай», но и преступленіе, разумѣется нельзя, а кромѣ этого остается только то, что существуетъ, т. е. предварительное заключеніе для пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія.—Теперь посмотримъ нѣтъ ли возможности, если не вполнѣ устранить, то хоть уменьшить это зло, посредствомъ сокращенія времени, которое употребляется на производство слѣдствія, нельзя ли назначить срокъ, долѣе котораго слѣдствіе тянуться не можетъ?

Задача слѣдствія состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ собранія и разработки всѣхъ данныхъ до дѣла относящихся, выяснить всѣ обстоятельства преступленія, въ возможно большей степени, и непремѣнно на столько, чтобы судъ могъ произнести приговоръ вполнѣ сознательно. Ясно, что при такомъ условіи, нѣтъ никакой разумной возможности ограничить слѣдствіе, какимъ бы то ни было срокомъ, — тутъ все зависитъ отъ случая; если самое преступленіе было обнаружено во время, слѣды его были сохранены, есть, свидѣтели, показанія которыхъ вполнѣ согласны, есть нравственныя и вещественныя улики, есть даже иногда полное сознаніе преступника, то и по очень крупному и сложному дѣлу, на слѣдствіе потребуется очень не много времени;—но если напротивъ преступленіе было обнаружено не скоро и слѣды его были скрыты, свидѣтелей нѣтъ вовсе или показанія ихъ не согласны, уликъ нѣтъ или онѣ недостаточны, — то и по гораздо менѣе важному дѣлу, слѣдствіе можетъ затянуться, по необходимости.

Если разсужденія Гг. Аксакова и Шарапова объ искусственномъ удобреніи, быть можетъ

не основательныя и не научныя, но всетаки совершенно безвредныя и искреннія, Г-нъ Энгельгардтъ нашелъ справедливымъ назвать *«безстыдствомъ и нахальствомъ недоучекъ, которые пакостятъ науку»*, то какъ слѣдуетъ назвать такое грубое и невѣжественное глумленіе надъ самымъ священнымъ изъ человѣческихъ учрежденій, надъ уголовнымъ судомъ, отъ котораго иногда зависитъ самая жизнь людей и всегда ихъ благополучіе и честное имя?

Правду сказалъ Авраамій Палицынъ: «Неувяжемый удъ въ человѣцѣхъ, бѣсящійся языкъ».

Цѣна 80 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Въ Типографіи А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., домъ Левенсонъ.